БУРЕВѢСТНИКЪ

(Публичная)

Пусть сильнѣе грянетъ буря!

ВП п2/9

30 апрѣля 1907 г. — Органъ Русскихъ Анархистовъ-Коммунистовъ — № 5.

ЗАТИШЬЕ.

Напрасно мы стали бы обманывать себя, утверждая, что все обстоитъ благополучно, что революція продолжается. Нѣтъ, не продолжается она. Смолкли раскаты грома октябрьскихъ дней, утихли аграрныя волненія, улеглось революціонное настроеніе въ войскахъ, и на фонѣ общаго затишья Севастополь, Кронштадтъ, Москва, Свеаборгъ, рисуются только, какъ далекія уже, героическія воспоминанія. Русская революція замерла, на время конечно, но все же замерла. Не прекратились акты индивидуальнаго протеста, но народныя массы какъ будто устали, охладѣли къ борьбѣ. Безучастно и угрюмо онѣ молчатъ…

Въ исторіи русской революціи такихъ моментовъ затишья было уже нѣсколько: было затишье послѣ октябрскихъ дней, было затишье втеченіе непродолжительнаго существованія первой думы. Объяснить эти два момента затишья не трудно. Въ октябрѣ пролетаріатъ, въ своемъ революціонномъ шествіи, споткнулся о ловко брошенную ему самодержавіемъ въ ноги „конституцію“; такая сравнительно легкая и быстрая побѣда превзошла всѣ его ожиданія, ошеломила его, подѣйствовала на него опьяняющимъ образомъ; онъ рѣшилъ, что окончательно сразилъ самодержавіе и успокоился. Онъ забылъ ту великую историческую истину, что то, чего добились силой — силой только и сохраняется. Онъ успокоился, оставилъ оружіе, и это дало возможность только что побѣжденному самодержавію опомниться и поднять голову. Столь же отрицательно, какъ и „конституція“, повліяла на рабочія и крестьянскія массы первая Государственная Дума. Казалось, на сей разъ побѣда была вѣрной и окончательной. Какими пламенными, революціонными рѣчами оглашались стѣны стариннаго Таврическаго дворца! Какимъ гулкимъ эхомъ отдавались эти рѣчи по всей измученной странѣ!.. Земля и Воля! казалось, сейчасъ лозунгъ этотъ сдѣлается дѣйствительностью: Дума дастъ и землю и волю, Дума осуществитъ эту вѣчную потребность обездоленныхъ и порабощенныхъ классовъ всѣхъ странъ и временъ!.. И чтобы не помѣшать ей выполнить эту великую задачу, чтобы она могла спокойно и серьезно работать, необходимо было, чтобы массы успокоились. И онѣ снова успокоились, и снова самодержавіе подняло голову: Дума была разогнана, всѣ „свободы“ уничтожены, были учреждены военно-полевые суды превратившіе всю страну въ огромную, чудовищную по своимъ размѣрамъ, бойню…

Снова, въ третій разъ, наступило затишье, тяжелое, гнетущее затишье. Чѣмъ объяснить его теперь? Кто виноватъ въ томъ, что оба предыдущихъ урока не послужили ни къ чему и что, вмѣсто того, чтобы идти прямымъ революціоннымъ путемъ, народныя массы снова уповаютъ на Думу, снова ждутъ отъ нея спасенія, снова въ бездѣйствіи прислушиваются къ думскимъ рѣчамъ, безцѣльность которыхъ онѣ еще такъ недавно испытали? Кто виноватъ въ томъ, что онѣ и въ третій разъ впали въ ошибку, за которую уже два раза такъ жестоко поплатились?

Либерально-буржуазная пресса, радостно привѣтствуя это затишье, объясняетъ его народной усталостью: народъ усталъ отъ трехлѣтней борьбы, народъ усталъ отъ трехлѣтняго кровопусканія, трехлѣтняго насилія; народъ хочетъ отдыха, мирной, прогрессивной работы, мирнаго, прогрессивнаго возрожденія… Допустимъ даже, что извѣстная доза такой усталости и существуетъ; но наши либералы забываютъ, что уже издавна народныя массы одолѣваемы еще и другого рода усталостью, усталостью голодать и страдать, и что эта усталость несравненно болѣе сильно, несравненно болѣе неудержимо толкаетъ ихъ на борьбу чѣмъ усталость, порождаемая борьбой удерживаетъ ихъ отъ нея. Наши либералы, хотя и недурно знаютъ исторію, забываютъ, что никогда, ни одна революція не прекратилась преждевременно изъ за усталости борцовъ. Пока длится борьба, пока держится сопровождающее ее нервное напряженіе, усталость не чувствуется, не проявляется; она, какъ неизбѣжная реакція, наступаетъ лишь по окончаніи борьбы, послѣ окончательнаго пораженія или окончательной побѣды. Ни того, ни другого русская революція еще не переживала, а потому объ усталости народа тутъ не можетъ быть и рѣчи. Устала буржуазія, интересамъ которой продолжительная гражданская война наноситъ огромный ущербъ, и которая ждетъ, не дождется перехода власти въ ея жадныя руки; но народъ не усталъ ни отъ борьбы, ни даже отъ кровопусканій; онъ превосходно знаетъ, что революція дешево не обходится, что свобода и право на жизнь всегда оплачиваются высокой цѣной, огромнымъ количествомъ жертвъ, цѣлыми потоками слезъ и крови. Онъ это знаетъ, онъ всегда это зналъ, и никогда это не останавливало его!..

Нѣтъ, причина теперешняго затишья другая: она, по нашему мнѣнію, кроется въ явномъ пониженіи революціоннаго настроенія пролетаріата и крестьянства; а въ этомъ пониженіи виноваты лѣвыя партіи, главнымъ образомъ соціалъ-демократы.

Не насъ однихъ, не анархистовъ только, революція застала врасплохъ: то-же самое случилось и съ уже давно работавшими въ Россіи партіями, съ соц.-дем. и соц.-рев. Вспыхнувшій пожаръ поразилъ и ихъ своей неожиданностью и это тѣмъ болѣе, что съ перваго же момента революція проявилась совсѣмъ не такъ, какъ они предполагали: съ перваго же момента она приняла явно соціальный характеръ; дѣло шло не о борьбѣ съ самодержавіемъ, не о демократическихъ свободахъ, не о политическихъ требованіяхъ: всколыхнувшіяся массы сразу перешагнули черезъ всѣ пропитанныя постепеновщиной программы, онѣ сразу заговорили о всей землѣ, о всей волѣ!.. Государственная машина затрещала по всѣмъ швамъ… Политическія партіи растерялись: слишкомъ уже мало гармонировали эти максимальныя требованія съ ихъ теоретическими, минимальными выкладками!.. Пришлось, однако, пойти за революціей, невзирая на то, что съ точки зрѣнія чистой доктрины, она собиралась сдѣлать „скачекъ“ и уйти гораздо дальше всѣхъ „научно-соціалистическихъ“ предначертаній… Революція носила соціальный отпечатокъ, ее мало интересовали конституція и парламентъ, и соціалистическимъ партіямъ пришлось поэтому бойкотировать первую Думу и проповѣдывать внѣ-парламентскую борьбу; но своей роли громоотвода, выражаясь словами итальянскаго соціалъ-демократа Турати, онѣ все таки не забыли: шествуя за революціей, онѣ не переставая нашептывали ей старую какъ свѣтъ пѣсеньку, которою во всѣ времена „осторожные“ доброжелатели человѣчества заставляли его цѣлыми вѣками топтаться на одномъ и томъ же мѣстѣ, пѣсеньку насквозь пропитанную трусливо-мѣщанскимъ нравоученіемъ: „тише ѣдешь — дальше будешь“ или „многаго захочешь — ничего не получишь“. И по мѣрѣ того, какъ шла и затягивалась борьба, по мѣрѣ того, какъ возставшія массы получали отпоръ, по мѣрѣ того, какъ онѣ убѣждались, что побѣда достанется имъ лишь цѣною многихъ жертвъ, цѣною упорныхъ и мучительныхъ усилій, онѣ все охотнѣе и охотнѣе прислушивались къ словамъ тѣхъ, кто „научнѣйшимъ“ образомъ указывалъ имъ на другой путь, болѣе легкій и болѣе вѣрный, къ свободѣ и жизни. Все, что движется, ищетъ линію наименьшаго сопротивленія; и разъ путемъ парламентаризма, путемъ политической борьбы можно добиться тѣхъ же результатовъ, что и непосредственной, революціонной борьбой, гораздо болѣе трудной и опасной, то не логичнѣе ли, не благоразумнѣе ли избрать именно этотъ путь… И народныя массы, снова обманутыя, обманутыя на сей разъ уже не самодержавіемъ а своими собственными друзьями, вступили на новый путь. Революціонная энергія ихъ была растрачена на предвыборную агитацію, революція утоплена въ избирательной урнѣ… И теперь, когда выборы закончились, когда вторая Государственная Дума наконецъ открылась, благодаря новому пути, на который соціалистическія партіи толкнули крестьянство и пролетаріатъ, неминуемо должно было наступить затишье; и оно наступило, тяжелое и давящее какъ крышка гроба…

Итакъ, не усталостью революціонныхъ силъ вызвано переживаемое теперь русской революціей затишье, а пониженіемъ революціоннаго настроенія борющихся народныхъ массъ. Отвѣтственность же за это пониженіе падаетъ цѣликомъ на соціалистическія партіи, отвлекшія пролетаріатъ и крестьянство отъ непосредственной революціонной борьбы въ сторону безплоднаго и растлѣвающаго парламентаризма. Но все таки, несмотря ни на что, затишье это временное и длиться долго оно не можетъ. Это затишье передъ бурей, затишье предвѣщающее страшную грозу, ибо еще немного и массы поймутъ, что отъ Думы имъ ждать нечего. Лишь нѣсколько недѣль прошло съ тѣхъ поръ какъ она открылась, и уже ясно видно, что главная забота ея — ея собственное существованіе. Уже она вступила на путь компромиссовъ. Несмотря на весьма значительное число депутатовъ соціалистовъ, клятвенно обѣщавшихъ „взорвать Думу изнутри", она гораздо менѣе революціонна, чѣмъ ея предшественница; она избѣгаетъ не только зажигательныхъ рѣчей, но и жгучихъ вопросовъ; она, напримѣръ, и не коснулась еще амнистіи; она менѣе ищетъ общенія съ народомъ, чѣмъ соглашенія съ правительствомъ, ибо отъ этого соглашенія зависитъ ея жизнь. Но скоро, очень скоро массы убѣдятся, что имъ жизнь Думы ничего не дастъ, и тогда наступитъ конецъ теперешнему затишью: разразится гроза, страшная революціонная гроза, которую уже никто и ничто предотвратить не сможетъ.

КОНГРЕССЪ СТРАХА.

Партейтагъ нѣмецкой соціалъ-демократіи въ Мангеймѣ.

Надо отдать справедливость нѣмецкимъ соціалъ-демократамъ, — они умѣло организуютъ свои съѣзды, дѣльно (и это несмотря на обиліе „личныхъ объясненій") ведутъ свои дебаты, и протоколы ихъ съѣздовъ представляютъ собою богатый и надежный матеріалъ для изученія исторіи партіи и для ознакомленія съ ея настоящей жизнью. Понятно, что для основательнаго знакомства съ исторіей и съ современной жизнью партіи однихъ протоколовъ недостаточно, но они, если и не единственный, то самый важный и необходимый матеріалъ для всякаго, интересующагося ходомъ развитія нѣмецкой соціалъ-демократіи. Вотъ почему мы, хотя и съ нѣкоторымъ опозданіемъ, постараемся познакомить товарищей съ наиболѣе важными вопросами, обсуждавшимися на послѣднемъ конгрессѣ нѣмецкой соціалъ-демократической партіи.

Центральнымъ пунктомъ конгресса были дебаты о политической забастовкѣ. Вопросъ этотъ въ послѣдніе годы волнуетъ широкія массы нѣмецкихъ рабочихъ. Подъ давленіемъ этихъ массъ были вынуждены высказаться „высшія инстанціи" рабочаго движенія — съѣздъ профессіональныхъ союзовъ и партейтагъ соціалъ-демократической партіи. Высказались обѣ инстанціи различно. Съѣздъ профессіональныхъ союзовъ въ Кельнѣ избралъ своеобразную тактику; не выступая принципіальнымъ противникомъ всеобщей политической забастовки, онъ горячо протестовалъ противъ пропаганды ея, а въ своей резолюціи съѣздъ совѣтуетъ организованнымъ рабочимъ „энергично бороться" съ пропагандой всеобщей забастовки. Іенскій же партейтагъ очень сочувственно отнесся къ идеѣ о всеобщей политической забастовкѣ. Это сочувственное отношеніе нашло себѣ выраженіе въ принятой въ Іенѣ резолюціи:

„Партейтагъ считаетъ массовый отказъ отъ работы **однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ борьбы** (курсивъ всюду нашъ. А — ъ) для защиты рабочихъ противъ политическаго преступленія (лишенія ихъ избирательнаго права или права коалиціи), какъ и для завоеванія **новаго важнаго для ихъ освобожденія права**".

Вожди профессіональныхъ союзовъ, присутствовавшіе на партейтагѣ, голосовали противъ этой резолюціи. Да и вообще, въ прессѣ, какъ и во время дебатовъ кельнскую резолюцію профессіональныхъ союзовъ и іенскую резолюцію партейтага разсматривали, какъ противоположныя другъ другу. Каково же должно быть удивленіе непосвященнаго человѣка при чтеніи резолюціи мангеймскаго партейтага, гдѣ говорится:

„Конгрессъ подтверждаетъ іенскую резолюцію о всеобщей забастовкѣ и констатируетъ, что кельнская резолюція конгреса профессіональныхъ союзовъ съ ней не расходится, а потому считаетъ дебаты по этому вопросу исчерпанными".

Наше удивленіе еще увеличится и перейдетъ въ недоумѣніе, если сравнить поведеніе Бебеля на послѣднемъ конгрессѣ и на конгрессѣ въ Іенѣ. На обоихъ конгресахъ онъ былъ референтомъ по вопросу о всеобщей стачкѣ. Но въ Іенѣ Бебель выступилъ горячимъ защитникомъ всеобщей политической забастовки, страстно защищалъ ее отъ нападковъ противниковъ. Въ Мангеймѣ же онъ, хотя принципіально признавалъ всеобщую забастовку, но такъ старательно доказывалъ невозможность ея, не только теперь, но и въ близкомъ будущемъ, онъ нарисовалъ такую ужасную картину неизбѣжнаго пораженія, такъ усердно увѣрялъ рабочихъ въ ихъ слабости и неподготовленности, что его принципіальное признаніе стачки имѣетъ лишь значеніе платоническаго благопожеланія, что на практикѣ это принципіальное признаніе сводится къ фактическому отказу отъ массовой стачки. Всякій, кто внимательно читалъ его рѣчи, долженъ прійти къ этому заключенію. Таково же было впечатлѣніе участниковъ партейтага. Ревизіонистъ Давидъ и „революціонеръ" Карлъ Либкнехтъ въ одинъ голосъ упрекаютъ Бебеля, что его рѣчь въ Іенѣ была боевымъ кличемъ къ наступленію, а въ своей мангеймской рѣчи онъ трубитъ отступленіе. Леберъ, уполномоченный изъ Іены говоритъ:

„Я не принадлежалъ къ тѣмъ, которые въ январѣ прошлаго года ждали всеобщей политической стачки, но я все таки нашелъ громадную разницу между тѣмъ, что Бебель говоритъ теперь и годъ тому назадъ".

А Герберть изъ Штетина прямо говоритъ:

„Въ вино увлеченія всеобщей стачкой примѣшали много воды, **формально іенская резолюція, правда, остается, но благодаря толкованію товарища Бебеля, она получаетъ другой смыслъ**".

Поворотъ Бебеля тѣмъ удивительнѣе, что въ массѣ настроеніе не измѣнилось. „Почти во всѣхъ резолюціяхъ внесенныхъ къ пункту „массовая стачка" подчеркивается важное значеніе, которое рабочіе придаютъ этому средству борьбы. Въ резолюціи, принятой на провинціальномъ партейтагѣ Помераніи, высказывается пожеланіе, чтобъ примѣнили всеобщую забастовку уже въ ближайшей борьбѣ за избирательное право. Но, что загадочнѣе всего, — представители профессіональныхъ союзовъ поддѣвали. Въ своихъ рѣчахъ они объявляютъ готовность и даже необходимость примкнуть къ политической всеобщей забастовкѣ. Неправда ли, какой то маскарадъ съ переодѣваніями! Какой то хаосъ мнѣній и мыслей!

На самомъ же дѣлѣ, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ вопросомъ, мы увидимъ, что поведеніе вождей соціалъ-демократической партіи и профессіональныхъ союзовъ не является слѣдствіемъ простого каприза или легкомысленнаго отношенія къ дѣлу. Въ ихъ противорѣчіяхъ имѣется своя логика, въ своей кажущейся непослѣдовательности они удивительно послѣдовательно проводятъ свою линію. Чтобы разглядѣть за ихъ видимыми поступками ихъ невидимые мотивы, нужно вспомнить перемѣны, происшедшія за послѣдніе 2 — 3 года въ жизни рабочихъ массъ, надо вспомнить о подъемѣ духа европейскихъ рабочихъ подъ вліяніемъ русской революціи. Вліяніе русской революціи на Западную Европу врядъ ли кто отрицаетъ. Особенно сильно было это вліяніе на сосѣднія страны — Австрію и Германію. Каждый революціонный взрывъ въ Россіи гулкимъ эхомъ отзывался въ сердцахъ рабочихъ этихъ странъ. Поднялось, хоть и въ меньшей мѣрѣ, и настроеніе вождей соціалъ-демократіи. И они заговорили болѣе революціоннымъ языкомъ, что способствовало дальнѣйшему подъему настроенія рабочихъ. Этому избытку энергіи надо было дать исходъ, этотъ революціонный подъемъ выгодно было использовать. Какъ политики и дипломаты, вожди партіи рѣшили направить революціонный потокъ по руслу мирной политической стачки, израсходовать накопившуюся революціонную энергію въ борьбѣ за пріобрѣтеніе политическихъ правъ. Въ Австріи планъ безпрепятственно былъ выполненъ. Но въ Германіи оживилась дѣятельность анархистовъ, появился Фридебергъ со своимъ антимилитаризмомъ и пропагандой всеобщей забастовки. Рабочіе стали прислушиваться къ этой пропагандѣ; идея всеобщей забастовки, какъ нельзя лучше, соотвѣтствуетъ ихъ настроенію. Все громче раздается ропотъ на оппортюнизмъ партіи, все чаще слышны жалобы на недостаточную революціонность ея. Вожди партіи подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія рабочихъ массъ подтягиваются, все больше подчеркиваютъ свою революціонность. Даже больше. Они, которые всегда говорили о всеобщей забастовкѣ только полупрезрительно, полушутя, — теперь произносятъ страстныя рѣчи въ пользу всеобщей забастовки. Правда, они благоразумно оговариваются, что рѣчь идетъ не объ утопической всеобщей стачкѣ анархистовъ, не о соціальной революціи! О, нѣтъ! Они говорятъ о массовой стачкѣ для пріобрѣтенія или для защиты важныхъ политическихъ правъ. Но тѣмъ усерднѣе они рекомендуютъ свою поддѣльную всеобщую стачку. Таково поведеніе „политиковъ". Иначе ведутъ себя представители профессіональныхъ союзовъ. Менѣе заинтересованные въ политикѣ, лучше знающіе рабочую массу, они предвидѣли, что „массовая политическая забастовка", можетъ превратиться въ „анархическую" всеобщую стачку, что борьба за политическія права можетъ перейти въ соціальную революцію. И они рѣшительно и рѣзко высказываются противъ пропаганды политической забастовки, осуждаютъ рискованныя затѣи своихъ политическихъ коллегъ, принимаютъ на конгрессѣ въ Кельнѣ вышеизложенную резолюцію. Но резолюція не привела къ желаннымъ результатамъ. Идея о всеобщей забастовкѣ была брошена въ массы, нашла тамъ воспріимчивую почву. Руководители профессіональныхъ союзовъ все болѣе убѣждались, что опасность всеобщей стачки приближается, что стачка не останется" мирной. Легинъ жалуется въ Мангеймѣ:

„въ послѣднее время мы замѣчаемъ, что все больше и больше раздается голосовъ, которые разсматриваютъ всеобщую политическую забастовку, какъ начало революціи.

О повышенномъ настроеніи части соціалъ-демократіи свидѣтельствуетъ и статья Каутскаго, помѣщенная въ Vorwaerts'ѣ и въ которой Каутскій высказываетъ свои мысли о московскомъ возстаніи. Онъ признаетъ, что московское возстаніе заставило его усомниться въ вѣрности утвержденій Энгельса о невозможности баррикадной борьбы. Онъ лично думаетъ, что время старыхъ баррикадъ прошло, что наступило время новаго типа баррикадъ. Всѣ эти симптомы обезпокоили не только руководителей рабочихъ союзовъ, но и главарей партіи. Уже въ Іенѣ противники всеобщей политической забастовки попытались запугать сторонниковъ стачки вмѣшательствомъ прокурора, войска, потоками народной крови. Тогда Бебелю эти „страхи" казались забавными, онъ отвѣчалъ на нихъ шуткой. Онъ увѣренно утверждалъ, что всеобщая стачка пройдетъ также спокойно, какъ и забастовка углекоповъ въ бассейнѣ Рура, что стачечники не дадутъ прокуратурѣ повода для вмѣшательства. Въ Мангеймѣ мы отъ него слышимъ совершенно другое, здѣсь онъ говоритъ:

„Нельзя учесть дѣйствія, на которыя способна недовольная масса...., сильно ошибаются тѣ, которые думаютъ, что Германія вслѣдствіе особенностей нѣмецкаго характера застрахована отъ революціи, (совершенно вѣрно!)...., Какъ нельзя утверждать, что наступитъ революція, такъ нельзя сказать, что въ Германіи ни въ коемъ случаѣ дѣло не дойдетъ до насильственнаго взрыва (совершенно вѣрно!)"

Говоритъ онъ это въ отвѣтъ доктору Давиду. Послѣдній такъ испугался симптомовъ надвигающейся революціи, что провелъ въ своемъ избирательномъ округѣ резолюцію, въ которой объявляется, что въ Германіи ни въ коемъ случаѣ не должно быть кровавой революціи. Неувѣренный тонъ Бебеля, комичный страхъ Давида, небывало смѣлая рѣчь Каутскаго, все свидѣтельствуетъ о рѣзкой перемѣнѣ въ настроеніи массъ, все это говоритъ о сгущенной боевой атмосферѣ, въ которой легко можетъ разразиться революціонная гроза. Этого не могли не замѣтить главари партіи и вожаки профессіональныхъ союзовъ. Въ нѣкоторыхъ заговорило постыдное чувство страха, мелочная боязнь разстаться съ тепло насиженнымъ мѣстечкомъ. Въ другихъ заговорили болѣе сложныя чувства, страхъ высшаго порядка, страхъ за партійныя организаціи, за хорошо устроенныя партійныя учрежденія, за полныя кассы партіи. Заволновались честные мѣщане, благородные филистеры. Выдающіеся ораторы, тонкіе знатоки парламентарной машины, искушенные въ дебатахъ и голосованіяхъ, незамѣнимые повсюду, гдѣ нужно благоразуміе солиднаго дѣльца, хитрость и осторожность лукаваго дипломата, они теряются, предаются малодушному страху предъ лицомъ событій, гдѣ нужно безуміе героя, отвага революціонера, самоотверженность фанатика. Но они „вожди", они отождествляютъ себя съ партіей, а партію съ пролетаріатомъ. Чувствуя себя неспособными къ революціонной дѣятельности, испытывая холодный ужасъ при одной мысли о близкой революціи, они умозаключаютъ отъ своей слабости къ слабости партіи, а отъ слабости партіи къ слабости и неподготовленности пролетаріата. И они искренно думаютъ, что въ интересахъ партіи, въ интересахъ пролетаріата, надо умѣрить революціонный пылъ рабочихъ, надо предостерегать ихъ отъ легкомысленныхъ увлеченій, отъ необдуманныхъ выступленій. Подобнаго рода побужденіями мы и объясняемъ рѣзкій поворотъ въ своемъ отношеніи къ массовой забастовкѣ со стороны Бебеля; аналогичные же мотивы заставили руководителей профессіональныхъ союзовъ затушевать свои разногласія съ іенской резолюціей, чтобъ сообща съ вождями партіи, общими силами бороться противъ все растущей революціонности рабочихъ. И надо имъ отдать справедливость, они мастерски исполнили свою задачу въ Мангеймѣ, они на своемъ конгрессѣ сослужили службу „порядку" и „законности".

Сознаніе необходимости объединенія бюрократіи партіи и бюрократіи профессіональныхъ союзовъ для совмѣстной борьбы съ революціей ясно проглядываетъ въ дебатахъ и по вопросу объ отношеніи между партіей и профессіональными союзами. Въ прежніе годы партія относилась подозрительно къ профессіональнымъ союзамъ, какъ ко всякой самодѣятельности рабочихъ, какъ ко всякой дѣятельности, не находящейся подъ контролемъ партіи. Партіи удалось потомъ подчинить профессіональные союзы своему вліянію. Въ союзы былъ внесенъ тотъ же духъ централизаціи и „дисциплины", что и въ партіи. Кромѣ того, союзы, хотя и называютъ себя нейтральными, сильно пропитаны политикой, которая носитъ у нихъ соціалъ-демократическую окраску. Но союзы еще болѣе оппортюнистичны и еще менѣе принципіальны, чѣмъ партія. Поэтому партія продолжала къ нимъ относиться съ нѣкоторымъ недовѣріемъ. Времена, однако, мѣняются. Партія успѣла утратить остатки своей принципіальности. Съ другой стороны, возродился въ Германіи анархизмъ, нарождается революціонный синдикализмъ. „Свободный союзъ нѣмецкихъ профессіональныхд союзовъ" борется съ централизаціей, ставитъ своей цѣлью, кромѣ борьбы за частичныя улучшенія, — борьбу за уничтоженіе капиталистическаго строя при помощи всеобщей забастовки. Эти революціонные синдикаты принимаютъ въ свою среду, какъ анархистовъ, такъ и соціалъ-демократовъ, видящихъ въ синдикатахъ орудіе классовой борьбы для уничтоженія капиталистическаго строя. И тутъ партія поспѣшила заключить миръ съ профессіональными союзами для борьбы съ революціоннымъ синдикализмомъ. Вожаки профессіональныхъ союзовъ внесли предложеніе объ исключеніи изъ партіи всѣхъ членовъ революціонныхъ синдикатовъ. Причемъ, партіи пришлось выслушать горькіе упреки.

„Партія должна намъ быть благодарна, что мы на своемъ конгрессѣ помѣшали тому, чтобъ у насъ распространился антипарламентаризмъ среди рабочихъ",

говоритъ Легинъ, одинъ изъ видныхъ руководителей профессіональныхъ союзовъ. А другой дѣятель фонъ Эльмъ жалуется:

„Въ то время, какъ профессіональные союзы съ самаго начала боролись въ интересахъ партіи съ анархо-соціализмомъ, это движеніе, къ сожалѣнію, не встрѣтило такого же энергичнаго отпора въ кругахъ берлинскихъ товарищей".

Предложеніе объ исключеніи участниковъ революціонныхъ синдикатовъ встрѣтило отпоръ со стороны нѣкоторыхъ членовъ лѣваго крыла соціалъ-демократовъ. Они указывали на то, что такое рѣшеніе подчинило бы партію профессіональнымъ союзамъ, что, если членъ партіи не нарушаетъ программы, его нельзя исключить только за принадлежность къ синдикату. Такъ, Роза Люксембургъ, хотя и считаетъ анархизмъ „плодомъ умственнаго заблужденія и духовнаго упадка рабочихъ" (въ этой же рѣчи, черезъ нѣсколько минутъ она сама же объявила:

„въ нашихъ рядахъ анархизмъ-реакція влѣво противъ крайностей вправо"),

но и она протестуетъ противъ резолюціи профессіональныхъ союзовъ.

„Если мы" говоритъ она: „никого не исключаемъ изъ представителей крайней правой, мы не имѣемъ права исключать и крайнюю лѣвую".

Цубель также недоволенъ резолюціей:

„Часть товарищей съ распростертыми объятіями готова принять всѣхъ правыхъ, но относится чрезвычайно строго къ лѣвымъ".

Какъ компромиссъ между предложенной резолюціей и протестами лѣвой принята слѣдующая резолюція:

„Партейтагъ уполномочиваетъ правленіе партіи совмѣстно съ генеральной коммиссіей (профессіональныхъ союзовъ) урегулировать до слѣдующаго партейтага этотъ вопросъ въ смыслѣ Любекской резолюціи".

Любекская резолюція рекомендуетъ рабочимъ вступить въ централизованные союзы. На этомъ основаніи правленіе партіи предложитъ соц.-демократамъ членамъ синдикатовъ выступить изъ нихъ, или же пригрозитъ отлученіемъ отъ соціалъ-демократической церкви. И это за то, что синдикаты стоятъ на классовой точкѣ зрѣнія революціоннаго соціализма!

На ряду съ этимъ партейтагъ былъ очень снисходителенъ къ умѣреннымъ рабочимъ союзамъ. Онъ призналъ ихъ „не менѣе необходимыми, чѣмъ соціалъ-демократическая партія" въ борьбѣ за поднятіе благосостоянія рабочихъ „въ рамкахъ буржуазнаго строя".

Въ наиболѣе рѣзкой, наиболѣе отталкивающей формѣ страхъ передъ революціей, страхъ передъ полицейскимъ, проявился въ вопросѣ, какъ должна себя держать партія въ случаѣ вмѣшательства Германіи для усмиренія русской революціи. Соціалъ-демократы изъ Мюльгаузена внесли предложеніе, которое рекомендуетъ для подобнаго случая всеобщую забастовку. Противъ этого предложенія выступилъ Бебель. Раньше всего онъ попытался сдѣлать это предложеніе подозрительнымъ, указавъ на его сходство съ предложеніемъ анархиста Домелы-Ньювенгейса. А потомъ онъ въ духѣ дебатовъ о всеобщей забастовкѣ сталъ запугивать рабочихъ:

„Если вспыхнетъ такая война, въ Германіи съ перваго же дня около 5 милліоновъ человѣкъ станетъ подъ ружье, среди нихъ многіе сотни тысячъ нашихъ товарищей... Ужасная нищета, всеобщая безработица, голодъ, остановка фабрикъ, паденіе цѣнныхъ бумагъ, (sic!) думаете ли вы, что можно въ такой моментъ, когда каждый думаетъ только о себѣ, устроить всеобщую стачку? (Очень хорошо!) Еслибъ какіе нибудь руководители партіи былибъ настолько глупы, чтобъ въ такое время объявить всеобщую стачку, тогда съ началомъ мобилизаціи по всей Германіи будетъ объявлено военное положеніе, и тогда уже будутъ судить не гражданскіе а военные суды. До меня дошли слухи, — которые я считаю правдоподобными, такъ какъ въ вліятельныхъ кругахъ думаютъ, что соц.-демократы могутъ оказаться такими глупцами, чтобъ принимать подобныя рѣшенія, — что въ высшихъ сферахъ давно уже носятся съ мыслью подвергнуть всѣхъ вождей соціалъ-демократіи той же участи, которая въ 1870 г. постигла членовъ комитета нашей партіи. Если вы думаете, что противники проявятъ въ данномъ случаѣ снисходительность, вы ошибаетесь. Я васъ настоятельно прошу отвергнуть резолюцію мюльгаузенцевъ".

Итакъ, если Вильгельму II вздумается приказать, нѣмецкіе соц.-демократы-солдаты пойдутъ усмирять русскихъ рабочихъ! Это уже слишкомъ чудовищно и возмутило даже нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ: Такъ, Карлъ Либкнехтъ отвѣтилъ ему:

„Бебель между прочимъ въ своемъ рефератѣ сказалъ, что въ жизни партій, какъ въ жизни народовъ, бываютъ положенія, когда они вынуждены принять борьбу, какой бы то ни было цѣной, даже подъ рискомъ вѣрнаго пораженія. Еслибъ вздумали превратить нѣмецкій народъ въ палача русской свободы... тогда нѣтъ мѣста размышленіямъ, тогда наступаетъ одно изъ тѣхъ положеній, о которыхъ вчера говорилъ Бебель. Не должно случиться, чтобы въ мировой исторіи говорилось: русское освободительное движеніе было подавлено нѣмецкимъ народомъ, обладавшимъ въ то же время самой сильной и большей организаціей интернаціональнаго пролетаріата.

Въ этомъ же смыслѣ высказалась и Роза Люксембургъ. Что же отвѣтилъ имъ Бебель?

„Еслибъ затѣвался такой возмутительный актъ, какъ германское вмѣшательство въ дѣла Россіи, то само собою понятно, что мы должны были бы сдѣлать все возможное, чтобъ предупредить такой шагъ (браво!). Что мы сдѣлаемъ, и что сможемъ сдѣлать, это мы должны предоставить нашему усмотрѣнію, и по этому поводу мы теперь не можемъ давать никакихъ обѣщаній... Вѣдь правительство, еслибъ оно затѣвало нѣчто подобное, должно было бы собрать рейхстагъ, чтобъ получить кредиты".

Еслибъ правительство послало бы трупы безъ разрѣшенія рейхстага, это было бы революціонный актъ, который по мнѣнію Бебеля оправдалъ бы другіе революціонные акты. Дальше онъ въ такихъ же темныхъ, ни къ чему не обязывающихъ выраженіяхъ, повторяетъ, что они сдѣлаютъ все возможное, чтобъ помѣшать вмѣшательству Германіи. То же нѣмецкіе соц.-демократы сдѣлаютъ въ случаѣ европейской войны.

„И тогда мы не встрѣтимъ войну радостно, съ криками „ура", а постараемся исполнить свою культурную миссію во имя мира".

Ни одинъ изворотливый дипломатъ не могъ бы лучше отдѣлаться отъ такого назойливаго и непріятнаго вопроса. Бебелю и нѣмецкой соціалъ-демократіи категорически ставится вопросъ, помѣшаютъ ли они силой вмѣшательству Германіи въ русскія дѣла, откажутся ли солдаты соціалъ-демократы отъ повиновенія, если на нихъ будутъ возложены обязанности европейскихъ жандармовъ. Тутъ можно отвѣтить только „да" или „нѣтъ", все остальное отъ лукаваго. А Бебель трусливо прячется за спину буржуазнаго парламента, обѣщаетъ сдѣлать все, что найдетъ возможнымъ, успокаиваетъ русскихъ революціонеровъ, что нѣмецкіе соціалъ-демократы не встрѣтятъ вмѣшательство Германіи радостными криками. А въ результатѣ партейтагъ отклоняетъ ясную резолюцію Кидльгаузена и принимаетъ ничего не говорящую резолюцію Бебеля, въ которой обѣщается, что нѣмецкая соціалъ-демократія „самымъ рѣшительнымъ" образомъ будетъ противиться военному вмѣшательству Германіи во внутреннія русскія дѣла. „Самымъ рѣшительнымъ образомъ", на жаргонѣ нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ это означаетъ: будутъ устроены въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, съ разрѣшенія полиціи и подъ строгимъ надзоромъ полицейскихъ чиновниковъ, собранія для протеста, и принятыя на этихъ собраніяхъ резолюціи... крупнымъ шрифтомъ будутъ напечатаны въ «Vorwärts'ѣ».

Можно было бы придти въ отчаяніе, еслибъ была только одна надежда на эти бутафорскія демонстраціи и бумажныя резолюціи! Но болѣе близкое знакомство съ настроеніемъ рабочихъ массъ въ послѣдніе годы, много признаковъ и симптомовъ поддерживаютъ, укрѣпляютъ насъ въ нашей увѣренности, что въ такомъ грозномъ вопросѣ, какъ вооруженное вмѣшательство для подавленія русской революціи, рабочая масса окажется достойнѣе своихъ признанныхъ руководителей. И мы глубоко убѣждены, что на малѣйшій признакъ коронованнаго самодура къ подавленію революціи, нѣмецкіе рабочіе, вопреки предостереженіямъ своихъ партійныхъ депутатовъ, вопреки недостойному поведенію своихъ „наслѣдствующихъ" вождей, несмотря на деморализующее вліяніе „конгресса страха", отвѣтятъ единодушнымъ радостнымъ кличемъ: Да здравствуетъ соціальная революція! Да здравствуетъ дѣйствительная солидарность угнетенныхъ и эксплуатируемыхъ всѣхъ странъ и народовъ!

А—ъ.

НАШИ ЗАДАЧИ.

Рассматривая въ прошломъ номерѣ коллективизмъ, мы попытались доказать, что онъ не въ силахъ разрѣшить соціальной проблемы. Въ области политической, онъ оставляетъ нетронутыми рамки современнаго государства, что означаетъ сохраненіе принципа власти и дальнѣйшаго господства человѣка надъ человѣкомъ; въ сферѣ же экономическихъ отношеній, онъ намѣревается примѣнить формулу „каждому сообразно его труду", формулу, заимствованную у буржуазіи, опирающуюся на чисто буржуазное понятіе о цѣнности, и которая можетъ привести и, вѣроятно приведетъ, будущее общество къ такимъ же плачевнымъ результатамъ, къ какимъ капиталистическое хозяйство привело общество современное намъ. Посмотримъ же теперь, какъ разрѣшаетъ эту проблему коммунизмъ?

То, что главнымъ образомъ характеризуетъ коммунизмъ — это его отрицаніе цѣнности. И дѣйствительно: что такое цѣнность? чѣмъ и какъ она опредѣляется? Буржуазная политическая экономія вводитъ въ опредѣленіе цѣнности много чисто побочныхъ элементовъ (какъ, напримѣръ, рѣдкость какого нибудь продукта, трудность его добыванія и т. д.), съ которыми соціалистическая экономика считаться не хочетъ; единственнымъ опредѣляющимъ элементомъ, по мнѣнію этой послѣдней, является трудъ: цѣнность даннаго продукта зависитъ исключительно отъ количества истраченнаго на его производство труда. На первый взглядъ это опредѣленіе можетъ показаться вполнѣ удовлетворительнымъ и даже справедливымъ; но стоитъ присмотрѣться поближе, чтобы убѣдиться, что оно столь же ложно и безсодержательно, какъ и всѣ буржуазныя опредѣленія цѣнности. Во первыхъ, трудъ уже по тому одному не можетъ служить мѣриломъ, что въ одинъ часъ вы можете произвести гораздо больше, чѣмъ я и, такимъ образомъ, если признавать цѣнность, вашъ часъ долженъ стоить гораздо больше моего. Если такъ и считать, т. е. разно оплачивать трудъ, то это неминуемо приведетъ къ возрожденію классовъ: интеллигентныхъ рабочихъ, получающихъ много и чернорабочихъ, получающихъ мало; если же такъ не считать, т. е. одинаково оплачивать всякій трудъ, то, принимая во вниманіе неодинаковую полезность всѣхъ видовъ труда, признаніе труда мѣриломъ цѣнности является прямо абсурдомъ. Во вторыхъ, не слѣдуетъ забывать, что къ производствѣ всякаго продукта участвуютъ не только непосредственный его производитель, но и всѣ предшествовавшія ему поколѣнія трудящихся. Стефенсонъ, напримѣръ, выдумалъ и составилъ первый локомотивъ; но ему никогда бы не удалось сдѣлать это, если бы онъ не имѣлъ за спиной цѣлыхъ поколѣній математиковъ и физиковъ, которые своими трудами и открытіями проложили ему дорогу къ его открытію. И по мѣрѣ того, какъ ростетъ и осложняется техника, по мѣрѣ того, какъ развивается общественная жизнь, эта зависимость личнаго, индивидуальнаго труда отъ труда всѣхъ становится все тѣснѣе. Вотъ почему личный трудъ, представляющій собой лишь одно звено въ общей трудовой цѣпи человѣчества, не можетъ никоимъ образомъ служить мѣриломъ цѣнности.

Итакъ, коммунизмъ отрицаетъ существованіе какихъ бы то ни было опредѣленій для цѣнности, отрицаетъ самое цѣнность. Единственный фактъ, съ которымъ онъ считается это — право человѣка на жизнь и на полное удовлетвореніе всѣхъ его потребностей; и это право онъ признаетъ за нимъ не, какъ торгашъ, не взамѣнъ опредѣленнаго количества труда, которое можетъ оказаться ему не по силамъ, а взамѣнъ той доли труда, на которую онъ физіологически способенъ. Отсюда та до высшей степени человѣчная, высокоблагородная и нравственная формула, которую онъ кладетъ въ основу будущаго строя: „отъ каждаго по его способностямъ, каждому по его потребностямъ".

Но осуществима ли эта формула? Позволяютъ ли наши производительныя силы, позволяютъ ли экономическія отношенія общества превратить ее изъ благороднаго стремленія въ жизненную дѣйствительность?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, посмотримъ, каковы современныя условія труда, каковы современныя экономическія отношенія общества?

Никто не станетъ отрицать, что въ современномъ обществѣ трудъ представляетъ собою нѣчто крайне тяжелое и мучительное. Чтобы жить, или выражаясь точнѣе, чтобы не умереть съ голоду, рабочій обреченъ на 10, 12 а то и больше часовъ работы въ день; работа же большей частью однообразная, монотонная, съ гигіенической точки зрѣнія до нельзя плохо обставленная. Кромѣ того, физическій трудъ разсматривается какъ нѣчто низшее, какъ нѣчто заслуживающее несравненно меньшаго уваженія чѣмъ трудъ умственный, интеллигентскій. Неудивительно поэтому, что и сами рабочіе относятся къ труду, какъ къ каторгѣ, изъ которой они постоянно мечтаютъ бѣжать и дѣйствительно бѣгутъ при первой возможности; неудивительны также и возраженія, которыя выставляютъ противъ коммунизма и въ которыхъ указываютъ на то, что если работа не будетъ принудительной, если каждому будетъ предоставлено работать лишь столько, сколько онъ захочетъ, то всякій или совсѣмъ не станетъ работать, или будетъ работать слишкомъ мало для поддержанія экономическаго благосостоянія коммуны. Но люди, дѣлающіе эти возраженія, упускаютъ изъ виду то, что съ измѣненіемъ условій труда неминуемо измѣнятся и отношенія къ труду. Трудъ ненавистенъ, когда онъ изнуряетъ, когда онъ представляетъ собою каторгу; пусть измѣнятся условія, пусть онъ перестанетъ быть изнурительнымъ, и онъ сдѣлается наслажденіемъ, потому что трудиться, тратить силы — потребность, необходимое для жизни самого организма физіологическое отправленіе. Вотъ почему коммунизмъ представляетъ каждому работать лишь столько, сколько онъ захочетъ; вотъ почему онъ смѣло формулируетъ „отъ каждаго по его способностямъ".

Съ не меньшей очевидностью оправдывается и вторая половина коммунистической формулы „каждому по его потребностямъ". Если современное общество ничто иное, какъ царство голода для огромнаго большинства человѣчества, то это совсѣмъ не потому, что экономическія отношенія того требуютъ, что общественныхъ богатствъ не хватаетъ для всѣхъ. Статистическія данныя доказываютъ наоборотъ, что даже теперешнее производство въ состояніи удовлетворить потребностямъ всего человѣчества. Вообразите же себѣ такой строй, въ которомъ не будетъ больше милитаризма, отрывающаго милліоны людей отъ работы на цѣлые годы, гдѣ не будетъ массы ненужныхъ производствъ какъ, напримѣръ, ружья, пушки и т. д., которыя также поглощаютъ огромное количество силъ; вообразите такой строй, въ которомъ алчность капитализма не будетъ больше тормозить развитія техники, гдѣ работа будетъ поставлена въ другія, болѣе нормальныя и раціональныя условія, гдѣ не будетъ этихъ вѣчныхъ конфликтовъ между капиталомъ и трудомъ, заставляющихъ пролетаріатъ безпрестанно покидать работу; вообразите такой строй, гдѣ не будетъ ни кризисовъ, ни безработицы, гдѣ и въ земледѣліи, наконецъ, произойдутъ крупныя, давно ожидаемыя перемѣны, гдѣ примѣненіе раціональнаго удобренія въ состояніи будетъ, какъ говоритъ извѣстный нѣмецкій агрономъ П. Вагнеръ, превратить песчаную, безплодную почву въ богатый урожаемъ черноземъ; вообразите все это, и вы легко поймете до какихъ прямо невѣроятныхъ размѣровъ могутъ дойти и наше производство и ростъ нашихъ богатствъ. Вотъ почему коммунизмъ, безъ всякаго опасенія, формулируетъ „каждому по его потребностямъ".

Итакъ, экономическую сторону соціальнаго вопроса анархизмъ разрѣшаетъ путемъ коммунизма. Посмотримъ теперь какъ разрѣшаетъ онъ его политическую сторону.

(продолженіе слѣдуетъ)

Максимъ Дубинскій.

Отвѣтъ Виктору Чернову.

Въ № 4 библіотеки „Сознательная Россія" въ статьѣ „Анархизмъ и программа минимумъ" г. Черновъ ставитъ себѣ задачей вскрыть сумбуръ, якобы существующій у анархистовъ по отношенію къ вопросу о программѣ минимумъ. Статья эта, судя по указанію самого автора, написана въ сущности съ цѣлью сразить своихъ ближайшихъ сосѣдей слѣва максималистовъ, послѣ того, какъ сосѣди съ правой стороны народные соціалисты уже подверглись той же участи въ предыдущемъ сборникѣ. Но авторъ направляетъ свою критику главнымъ образомъ не на максималистовъ; онъ предпочелъ „смотрѣть въ корень"; онъ рѣшилъ, что не стоитъ возиться съ ученическими работами максималистовъ, гораздо соблазнительнѣе покончить сразу съ самими учителями съ анархистами.

Съ этой цѣлью г. Черновъ беретъ сборникъ „Хлѣбъ и Воля", надергиваетъ оттуда кучу цитатъ изъ статей, касающихся вопроса о минимальныхъ требованіяхъ, и указываетъ на ихъ противорѣчивость: по однимъ де цитатамъ анархисты рѣшительные противники программы-минимумъ; судя же по другимъ, они (horribile dictu!) признаютъ необходимость участія въ повседневной борьбѣ рабочаго класса. Статья „Долой программу-минимумъ!" признаетъ г. Черновъ, даетъ представленіе о тактикѣ анархистовъ, какъ о чемъ то „смѣломъ, рѣшительномъ, цѣлостномъ" но говоритъ онъ далѣе: „это блестящій миражъ. Подойдите къ нему ближе и онъ разсѣется. Присмотритесь хорошенько къ этому красивому цѣльному плоду; вооружитесь острымъ ножемъ, ножемъ анализа; разрѣжьте его; и внутри передъ вами обнаружится разъѣдающая его, и уже подточившая его во всѣхъ направленіяхъ, внутренняя червоточина..." Выдергивая отдѣльныя цитаты, можно, какъ всѣмъ извѣстно, доказать, что угодно... Даже, что Марксъ и Энгельсъ были... соціалистами революціонерами. Выхватывая изъ различныхъ статей отдѣльныя фразы, можно доказать, что въ анархистской тактикѣ нѣтъ стройности, цѣльности, а господствуетъ хаосъ, сумбурное соединеніе самыхъ противорѣчивыхъ положеній.

И доказывать это непостоянство и шатаніе анархистской мысли считаютъ своей обязанностью люди, которые, хотя еще вчера бойкотировали думу, а немного ранѣе провозглашали въ „Революціонной Россіи", что лишь при достиженіи демократической республики они измѣнятъ свою тактику, нынѣ мирно засѣдаютъ въ столыпинской думѣ и вмѣстѣ со всей лѣвой прислушиваются къ голосу одного лишь тактическаго императива: „Не поддавайтесь провокаціи Пуришкевича и Крушевана!"

Недостатокъ въ мѣстѣ не позволяетъ намъ отвѣтить на всѣ выпады г. Чернова по адресу анархистской тактики; мы ограничимся лишь отвѣтомъ по существу вопроса.

Противорѣчіе въ анархистской тактикѣ заключается по мнѣнію Виктора Чернова въ томъ, что анархисты, отказываясь отъ систематизаціи минимальныхъ требованій въ единую стройную программу минимумъ, высказываются въ то же время за участіе въ безпартійномъ пролетарскомъ движеніи, направленномъ къ улучшенію положенія трудящихся массъ.

Но почему же мы противъ программы-минимумъ? Прежде всего потому, что мы не признаемъ тѣхъ логическихъ предпосылокъ, которыми обусловлено нарожденіе въ соціалистической средѣ самой идеи о программѣ-минимумъ. Въ качествѣ главной предпосылки фигурируетъ здѣсь слѣдующее положеніе: въ данный историческій моментъ максимальная программа — соціализмъ — неосуществима. Мы здѣсь не можемъ заняться вскрытіемъ генезиса психологической подоплеки соціалистовъ минималистовъ. Достаточно вспомнить, что для обоснованія вышеупомянутаго положенія имѣются „научныя" и „философскія" теоріи, гласящія о діалектическомъ процессѣ, о самоотрицаніи капитализма путемъ концентраціи и т. п. Все это достаточно ясно у соціалъ-демократовъ въ достаточной степени неясно у соціалистовъ революціонеровъ, но во всякомъ случаѣ и тѣ, и другіе солидарны въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ возможности въ настоящій историческій моментъ соціальнаго переворота.

Мы анархисты-коммунисты, не будучи заражены quasi научнымъ суевѣріемъ, не видимъ никакихъ данныхъ, которые позволили бы намъ утверждать, что для перехода къ высшимъ формамъ соціальной жизни человѣчество должно предварительно вывариться въ діалектическомъ или субъективистическомъ котлѣ. Потому мы въ своей пропагандѣ и агитаціи призываемъ трудящіяся массы къ ликвидаціи всего классоваго строя, къ осуществленію анархическаго коммунизма. Мы дѣйствительно помнимъ всегда заповѣдь: „Не угашайте духа!", и совершенно напрасно иронизируетъ по этому поводу г. Черновъ. Всякая программа минимумъ, отдаляя куда то въ звѣздную даль максимальную конечную цѣль и, ставя на ея мѣсто, въ качествѣ идеала, опредѣленную систему минимальныхъ требованій, несомнѣнно способствуетъ угашенію революціоннаго духа въ пробудившемся народѣ, инстинктивно или полусознательно стремящагося къ полному освобожденію отъ экономическаго и соціальнаго гнета. Повторяю, это относится ко всякой программѣ-минимумъ, ко всякой ея концепціи, и дѣло не измѣнится даже и въ томъ случаѣ, если эту программу назвать не минимальной, а „аналитической", какъ, совершенно неожиданно для насъ, окрестилъ ее въ своей статьѣ г. Викторъ Черновъ.

Но парламентскимъ соціалистическимъ партіямъ программа-минимумъ необходима, какъ воздухъ. Этимъ партіямъ въ ихъ парламентской дѣятельности необходимо обладать опредѣленной политической платформой; программа-минимумъ, выставляется ими какъ совокупность тѣхъ условій, при которыхъ буржуазія можетъ расчитывать на абсолютную легализацію ихъ тактики; программа-минимумъ, наконецъ, это сильное орудіе въ избирательной борьбѣ. Ея крайній политическій радикализмъ и отсутствіе въ ней малѣйшихъ намековъ на соціализмъ привлекаетъ на сторону выдвигающихъ ея партій массу голосовъ изъ рядовъ мелкой буржуазіи; и послѣднее соображеніе является рѣшающимъ въ глазахъ людей, избравшихъ парламентскій путь борьбы.

Для насъ, анархистовъ-коммунистовъ, противниковъ участія въ законодательствѣ и враговъ всякаго рода договоровъ съ буржуазіей, не существуетъ также и этихъ мотивовъ для принятія программы-минимумъ. Послѣдняя обладаетъ въ нашихъ глазахъ исключительно отрицательными свойствами: мы признаемъ за ней лишь деморализующее вліяніе, мы видимъ въ ней лишь препятствіе на пути къ соціальной революціи.

Но, удивляется г. Черновъ, зачѣмъ же въ такомъ случаѣ анархисты принимаютъ участіе въ повседневной борьбѣ рабочихъ за мелкія требованія? Какъ же они могутъ признавать, что участіе въ этой борьбѣ необходимо для ускоренія соціальнаго переворота? Развѣ не наталкиваемся мы здѣсь на вопіющее противорѣчіе? Анархисты, слѣдовательно, признаютъ необходимость минимальныхъ требованій и отказываются лишь отъ систематизаціи ихъ въ одно стройное цѣлое! Это, по мнѣнію нашего критика, „грубый эмпиризмъ подъ внѣшностью революціонности". Г. Черновъ удивляется, но и мы поражены въ не меньшей степени.

Неужели нашъ остроумный, хотя и поверхностный критикъ не понимаетъ, что участіе въ экономической и соціальной борьбѣ трудящихся массъ даже въ то время, когда онѣ выставляютъ какія нибудь конкретныя, минимальныя терборанія, далеко еще не тождественно съ выставленіемъ программы минимумъ т. е. съ признаніемъ, что въ переживаемый нами моментъ итти дальше извѣстныхъ конкретныхъ требованій невозможно и даже преступно?

Мы не можемъ и не хотимъ отказываться отъ участія въ повседневной экономической и соціальной борьбѣ рабочаго класса, такъ какъ это было бы равносильно отказу отъ распростаненія идей

анархизма въ средѣ трудящихся массъ. Но, участвуя въ борьбѣ рабочаго класса за уменьшеніе рабочаго дня, за болѣе свободныя условія соціальной жизни, мы ихъ постоянно ловимъ при этомъ къ конечной цѣли, — мы стараемся всякую частную стачку расширить, превратить ее, если возможно, въ всеобщую, всеобщую стачку стремимся превратить въ вооруженное возстаніе, народный бунтъ въ соціальную революцію. Когда мы видимъ, что пролетаріатъ какой нибудь мѣстности готовъ къ рѣшительному выступленію, мы зовемъ его къ созданію свободной коммуны, мы не ограничиваемъ заранѣе размаха народнаго возстанія требованіемъ учредительнаго собранія, четырехвостки и сомнительныхъ свободъ, или хотя бы „правомъ на трудъ" — въ деревнѣ, какъ это дѣлаютъ соціалисты-минималисты всѣхъ оттѣнковъ. Мы не считаемъ, подобно минималистамъ „аналитическимъ" соціализацію земли предѣломъ, „его же не прейдеши", мы зовемъ къ соціализаціи фабрикъ и заводовъ, къ организаціи коммунистическаго производства и коммунистическаго потребленія.

Противорѣчіе тутъ лишь кажущееся, и мы надѣемся, что для простого рабочаго и крестьянина будетъ ясно и понятно то, что г. Черному и его товарищамъ представляется въ видѣ хаоса и сумбура. Прошло ужъ то доброе старое время, когда государственный и парламентскій соціализмъ безраздѣльно царилъ въ Россіи. Анархическое слово проникло въ широкія массы пролетаріата; пытливо работаетъ мысль пробуждающихся низовъ, рабочіе и крестьяне въ самомъ процессѣ революціи жадно ищутъ истиннаго пути къ освобожденію, и они найдутъ его въ анархической тактикѣ.

М. Рагвскій.

Къ статьѣ А. Матюшенки.

Нижепомѣщаемая статья — интересный психологическій документъ. Одинъ изъ активныхъ дѣятелей возстанія на „Потемкинѣ" повѣствуетъ намъ о томъ горькомъ чувствѣ обиды и разочарованія, которое испыталъ онъ, борецъ за свободу, при первомъ болѣе близкомъ знакомствѣ съ жалкой, гнилой, конституціонной свободой, о которой такъ сладко напѣвали ему его „бывшіе учителя". Эта безхитростная исповѣдь искренняго и убѣжденнаго соціалиста лишній разъ подчеркиваетъ неблагодарную роль которую, къ сожалѣнію, пока очень успѣшно выполняютъ наши соціалисты-парламентаристы, служа безкорыстнымъ тормазомъ революціи. Мучительные вопросы, волнующіе этого стихійнаго соціалиста; горькіе упреки, которые онъ посылаетъ по адресу своихъ „сознательныхъ" наставниковъ, все это какъ нельзя убѣдительнѣе доказываетъ, какъ правы мы, анархисты, когда мы говоримъ, что въ моментъ революціи, въ моментъ массовой борьбы трудящихся, соціализмъ не только легко, такъ сказать, на лету, воспринимается массой, но что идея о полномъ освобожденіи всѣхъ угнетенныхъ, составляетъ естественный, неизсякаемый источникъ революціонной энергіи. Какъ сказочный богатырь — въ землѣ, эксплуатируемое человѣчество, „борющееся за лучшее будущее черпаетъ свои силы только въ своей родной стихіи — свободномъ коммунизмѣ.

А. Матюшенко затрагиваетъ, хотя и косвенно, еще одинъ интересный вопросъ. Много спорили и писали о такъ называемомъ научномъ соціализмѣ, о научности его, о его практическомъ значеніи. Но недостаточно обращали вниманіе на другую сторону вопроса: можетъ ли соціалистическое массовое движеніе имѣть въ своемъ основаніи теорію, которая не только не является общепризнанной въ наукѣ, но которую оспариваютъ многіе и многіе теоретики соціализма, причемъ, эта теорія отличается, если не глубиной, то такой сложностью, что самостоятельно разобраться въ ней можетъ только наиболѣе систематически-образованная часть интеллигенціи и, какъ счастливое исключеніе, два-три человѣка особенно богато одаренныхъ рабочихъ. А между тѣмъ отъ вѣрности теоріи соціалъ-демократіи зависитъ вся тактика ея. И даже интеллигентному рабочему, соціалъ-демократу, приходится, внимая ученіямъ своихъ учителей, только повторить „вѣрую господи". Разница между нимъ и католикомъ лишь та, что католикъ знаетъ, что онъ слѣпо вѣритъ, а у воспитаннаго на соціалъ-демократической литературѣ „ученаго" сохраняется самообманъ „сознательности". Вотъ почему мы видимъ въ наивныхъ на первый взглядъ разсужденіяхъ Матюшенки о „Капиталѣ" Маркса здоровое анархическое чутье, не поддающееся слѣпому подчиненію даже и такому крупному имени, какъ автора Капитала. Ред.

СВОИМЪ БЫВШИМЪ УЧИТЕЛЯМЪ.

Когда „Потемкинъ" присталъ къ одной изъ пристаней Констанцскаго порта, команда, забравъ свои пожитки, начала сходить на берегъ. На берегу стояла довольно порядочная толпа народа, которая съ любопытствомъ смотрѣла то на „Потемкина", то на команду, тутъ же на берегу сложившую вещи въ кучу и ждавшую чего то...

Вышелъ и я на берегъ. Невеселыя мысли роились въ моей головѣ. Сколько надеждъ, сколько радужныхъ мечтаній!... И все безвозвратно погибло. На „Потемкинѣ" уже развѣвался румынскій флагъ.

Сталъ я возлѣ своихъ вещей и задумался... Я не замѣтилъ, какъ ко мнѣ подошелъ, соціалъ-демократъ докторъ Раковскій.

„Я васъ давно ищу", заговорилъ онъ, кладя мнѣ руку на плечо, „Васъ нужно поздравить: Вы теперь въ свободной странѣ". Мы поцѣловались.

Посмотрѣлъ я на окружившую насъ толпу румынъ.. Вижу — не свободные это люди: свободный человѣкъ высоко и гордо держитъ голову, не видѣлъ я въ этой толпѣ свободнаго человѣка. Кругомъ насъ стояла толпа людей съ измученными лицами, грязная, оборванная; не похожа она была на свободныхъ людей, скорѣе можно было подумать, что это рабы...

Гдѣ же свобода? — сказалъ я Раковскому, не вижу я ея: развѣ въ свободной странѣ могутъ быть богатые и бѣдные? Развѣ въ свободной странѣ люди не живутъ, какъ братья? Развѣ въ свободной странѣ должны быть полиція и войско? — Полиція въ это время довольно таки безцеремонно осаживала толпу, слишкомъ близко подошедшую къ „Потемкину". — Не такой свободы хотѣли мы; избави насъ, Господи, отъ такой свободы у насъ въ Россіи; такой свободы вездѣ, сколько хочешь.

Раковскій засмѣялся какъто покровительственно.

„А вы чего хотѣли? Соціализма? Нѣтъ, батенька мой, природа скачковъ не дѣлаетъ, изъ царства абсолютизма въ царство свободы не перепрыгнешь, нужно постепенно пройти всѣ стадіи развитія и, какъ вы ни крутите, куда ни вертите, а буржуазнаго строя вы не минуете, таковъ законъ научнаго соціализма".

Какіе скачки? Какая исторія? Какіе такіе законы? Почему буржуазный, а не соціалистическій строй? Почему буржуазія, а не рабочій воспользуется свободой? Развѣ рабочій пойдетъ бороться за свободу, если онъ будетъ знать, что свободой воспользуется не онъ? Не есть ли самый лучшій законъ: я желаю, я хочу? Это желаніе можетъ преодолѣть всѣ преграды, которыя попадутся на пути. Неужели Вы думаете, что если бы Потемкину удалось выйти побѣдителемъ изъ этой борьбы, народъ не воспользовался бы свободой? Нѣтъ, я этому не вѣрю!

„Вы, голубчикъ мой, не горячитесь; Вы мало сознательны; Вамъ нужно многое и многое знать, а для того, чтобы знать нужно читать. Вы серьезно займитесь чтеніемъ, и тогда Вы не такъ просто будете смотрѣть на вещи: тяпъ да ляпъ — не выйдетъ корабль! Для того, чтобы добиться соціализма, много еще прольется крови".

Онъ думалъ, что „Потемкинъ" и всѣ бунты были „тяпъ да ляпъ", онъ не зналъ того, что во флотѣ давно готовились къ выступленію, онъ не зналъ того, что матросы давно помышляли о свободѣ, не призрачной, а настоящей свободѣ.

Не помню, что помѣшало говорить; не помню, какъ и какія причины заставили меня разстаться съ Раковскимъ, но разговоръ съ нимъ не давалъ мнѣ покою.

Что же нужно рабочему для того чтобы быть сознательнымъ? Развѣ мало одной горячей любви къ справедливости? Развѣ мало того, что что онъ въ любую минуту готовъ отдать жизнь за истину?

Намъ казалось, что мы вправѣ назвать себя сознательными, разъ мы любили рабочихъ и ненавидѣли тѣхъ, кто живетъ на ихъ счетъ, и не только обираетъ, но и угнетаетъ, ихъ. Мы хотѣли, чтобы всѣ люди, живущіе на землѣ, были равны, жили безъ войнъ, тихо, мирно и счастливо. Мы видѣли, что все зло, отъ котораго страдаетъ народъ, заключается въ частной собственности, власти и религіи, сознавали, что это зло нужно уничтожить и, что тогда только народъ сможетъ вздохнуть свободно; мы сознавали, что всѣ эти три зла нужно непремѣнно уничтожить сразу и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; вотъ въ чемъ заключались наши завѣтныя мечты! А на дѣлѣ выходитъ, что этого всего мало, что нужно еще кое-что...

Послушался я совѣта добрыхъ людей и сталъ перечитывать книгу за книгой — взгляды мои не измѣнились, значитъ сознанія не прибавилось и, напротивъ, то, что прежде казалось мнѣ яснымъ и понятнымъ, теперь покрылось какимъ то туманомъ.

Какой то товарищъ далъ мнѣ священную книгу „Капиталъ" Карла Маркса. „Читай говоритъ, тутъ ты многое поймешь, что до сихъ поръ тебѣ не ясно". Раскрылъ я ее, началъ читать, читаю, а понять ничего не могу: масса иностранныхъ словъ, значенія которыхъ я не понимаю, какія то ариѳметическія вычисленія, которыхъ я никакъ въ толкъ не возьму. Что мнѣ дѣлать? какъ выйти изъ этого положенія? Теперь товарищи вѣчно будутъ говорить: ничего ты не понимаешь, „Капитала" не читалъ, значитъ ничего и не знаешь. Но вѣдь для того чтобы понимать „Капиталъ", нуж-

но уже знать многое, а многаго рабочему знать невозможно. Я, конечно „Капиталъ" не критикую: для того, чтобы критиковать, нужно его прочитать и понять; можетъ быть „Капиталъ" и чудная книга, но она не для рабочаго. Рабочій работаетъ 10 часовъ на фабрикѣ и, когда онъ приходитъ домой, то ему не до „Капитала"; хорошо тому читать серьезныя вещи, кто не думаетъ о завтрашнемъ днѣ и имѣетъ кой какую научную подготовку, а такъ зря, сколько ни читай, ничего не получится; да если бы и была возможность читать, то цѣна „Капитала" слишкомъ высока для рабочихъ: мало такихъ рабочихъ, которые бы обладали свободными 6 рублями для покупки 3 томовъ „Капитала", который, если ужъ и купишь, то прочитать не сумѣешь, а будешь держать на полкѣ, и отъ этого умнѣе не станешь. Слѣдовательно „Капиталъ" непосредственно рабочей массѣ не дастъ ничего. Но, говорятъ намъ, онъ служитъ тѣмъ колодцемъ, откуда понимающіе люди черпаютъ знанія и передаютъ ихъ народу. Да, но посмотрите и въ эти книги для народа; много и тамъ непонятнаго для рабочихъ; тамъ тоже вездѣ и всюду встрѣчается ждиі терніи, нельзя то то, то другое мѣшаетъ, не дѣлай ничего самъ, а довѣряй только намъ, мы для тебя все сдѣлаемъ; только соціалъ-демократія хороша, остальныя партіи или мелко буржуазны, или шпіоны, или сумашедшіе. Почему? Много ли изъ всего этого поймешь?

Авторы не заботятся о томъ чтобы безпристрастно освѣтить то или другое событіе, тотъ или другой вопросъ, безпристрастно познакомить насъ съ ученіемъ другихъ партій; они не считаются съ жизнью, которая окружаетъ насъ, и которая намъ понятна, не берутъ примѣровъ изъ нея, и поминутно отсылаютъ насъ либо къ исторіи, либо къ Марксу и другимъ знаменитостямъ. Немного рабочій пойметъ, читая такъ книги. Не потеряетъ ли онъ вѣры въ то, во что онъ какъ глубоко вѣрилъ? не уляжется ли въ немъ революціонный пылъ и стремленіе къ борьбѣ если онъ будетъ знать, что и послѣ революціи онъ останется рабомъ? Народъ не понимаетъ преградъ въ видѣ капитализаціи или пролетаризаціи, онѣ ему чужды, онъ знаетъ, что его желаніе, его сила помогутъ ему одолѣть всѣ преграды; онъ сегодня, завтра и постоянно борется за соціализмъ, понимая его по своему. „Что же? въ такомъ случаѣ долой и науки? да знаете ли вы, что, еслибы не Кантъ, Марксъ и другіе такіе знаменитости, на которыхъ вы такъ нападаете, то вы и до сихъ поръ остались бы обезьянами!" сказалъ мнѣ одинъ изъ товарищей.

Нѣтъ, если бы не мы, говорю я, то Кантъ и Марксъ и всѣ знаменитости подохли бы, какъ собаки, съ голоду.

Изъ всего, что я сказалъ, слѣдуетъ, что хорошо былъ бы, если бы товарищи писатели писали простымъ языкомъ, чтобы каждый рабочій свободно понималъ то, что читаетъ, а главное — не надо драть денегъ за книги. Развѣ есть грабежъ болѣе ужасный, чѣмъ грабежъ товарища писателя, который, вродѣ Горькаго и ему подобныхъ, беретъ за слово столько, сколько рабочій въ Россіи зарабатываетъ въ день? и если Горькій называетъ буржуа кровопійцей, то какъ рабочій долженъ назвать Горькаго и ему подобныхъ? Пишетъ товарищъ книгу, ругаетъ на чемъ свѣтъ стоитъ самодержавіе, буржуазію, крокодиловы слезы такъ и капаютъ на страницы тетрадки, а кончилъ: хорошая вышла книга, тутъ ужъ деретъ со всѣхъ безъ различія, будь то буржуа или рабочій; иной рабочій и купилъ бы книгу, но дорого, гдѣ взять ему денегъ, для покупки книгъ? А вѣдь писатель соціалистъ отлично знаетъ, и самъ вѣдь пишетъ въ политической экономіи, что цѣна книги падетъ на шею рабочаго, купитъ ли ея буржуа или рабочій.

Итакъ, товарищи, если вы находите, что горячей любви къ справедливости, любви къ рабочимъ и ненависти къ ихъ эксплуататорамъ и угнетателямъ, готовности въ любую минуту отдать жизнь за благо народа недостаточно, а нужно еще читать, то сдѣлайте же для насъ чтеніе доступнымъ, какъ по ясности изложенія, такъ и по цѣнѣ.

А. Матюшенко.

ПЕЧАТЬ.

Наканунѣ открытія государственной думы журналисты изъ оппозиціоннаго лагеря увѣщеваютъ „крайнихъ лѣвыхъ" воздерживаться въ думѣ отъ слишкомъ рѣзкой и вызывающей тактики. Посвященная этому вопросу передовая статья №44 „Руси" заканчивается слѣдующими словами:

Словомъ, если конфликтъ неизбѣженъ, то во всякомъ случаѣ онъ долженъ состояться на дѣловой почвѣ. Всего какихъ нибудь семь мѣсяцевъ назадъ народное представительство имѣло полнѣйшую возможность убѣдиться, что смѣна министерствъ вызывается не сценами въ Думѣ, даже самыми гнѣвными, а иными причинами. Гнѣвъ народный уже сказался въ выборѣ ярко-оппозиціонной Думы. Дать реальный смыслъ этому гнѣву надо безъ сценъ. Дума не женщина, а народный разумъ, разумъ же не впадаетъ въ истерику, а идетъ на спокойную и холодную борьбу, хотя бы дѣло шло о самой жизни, т. е. о самомъ существованіи Россіи какъ великой и конституціонной державы.

„Телеграфъ" высказываетъ ту же мысль.

Народные представители не могутъ, конечно, расчитывать на физическую поддержку народныхъ массъ, а поддержка общественнаго мнѣнія будетъ за Думой обезпечена тогда, когда она создастъ вокругъ себя атмосферу спокойнаго самообладанія. Этимъ разрѣшается и вопросъ съ чего начать. Надо продолжать дѣло первой Думы, избѣгая бурныхъ сценъ и камень за камнемъ закладывая зданіе новой Россіи. Послѣдовательная и спокойная работа Думы еще болѣе закрѣпитъ связи народнаго представительства съ страною, подыметъ его авторитетъ въ глазахъ населенія, и затруднитъ правительству путь къ повторенію безДумья.

Господа кадеты и либералы всѣхъ оттѣнковъ могутъ успокоиться. Соціалъ-демократы и соціалисты-революціонеры окажутся, надо полагать, не менѣе тонкими „политиками", чѣмъ они сами. Недаромъ Плехановъ еще два года тому назадъ на страницахъ „Искры" напоминалъ своимъ ученикамъ, что въ политикѣ слѣдуетъ быть „мудрыми какъ зміи".

⁂

Радикальный „Товарищъ" въ номерѣ отъ 16-го февраля призываетъ соціалистическія партіи къ органической работѣ въ Думѣ.

То отрицательное отношеніе къ такъ называемой органической работѣ, которымъ въ періодъ народнаго движенія естественно были проникнуты не только наши крайнія партіи, но и вообще оппозиція,— теперь уже исчезло. И общія политическія условія, и выяснившееся соотношеніе общественныхъ силъ и, наконецъ, чисто психологическій status депутата какъ таковаго, какъ призваннаго къ преобразованію существующихъ общественныхъ и государственныхъ установленій, дѣлаютъ въ настоящій моментъ особенно настоятельной эту органическую работу во что бы то ни стало.

Авторъ статьи „Объ органической работѣ въ Думѣ", которую мы цитируемъ, опасается очевидно большевиковъ, обѣщающихъ „взорвать думу изнутри". Напрасный страхъ! „Психологическій status депутата, какъ таковаго" заставитъ и бывшихъ „бойкотистовъ" заняться въ Думѣ „созидательной" работой.

⁂

Въ борьбѣ съ стремящимся къ соціальному освобожденію пролетаріатомъ буржуазія располагаетъ могучими средствами, между которыми одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ локаутъ. Но эти крайніе тактическіе пріемы представляютъ собою обоюдоострое оружіе. Изъ фактовъ, подобныхъ тому, о которомъ сообщаетъ перепечатываемая нами ниже изъ „Руси" телеграмма, мы видимъ, что и многіе изъ представителей буржуазіи начинаютъ сознавать, что подобныя крайнія мѣры, порождая въ массахъ психологію отчаянія, по своимъ конечнымъ результатамъ угрожаютъ интересамъ самихъ владѣющихъ классовъ.

ЛОДЗЬ, 12. Состоялось собраніе съ участіемъ делегатовъ Варшавскаго общества призрѣнія дѣтей Гонсовскаго, Кіенскаго и Малаговскаго, по вопросу объ открытіи отдѣленія общества въ Лодзи.

Делегація указала, что въ настоящее время учрежденіе такого общества уже не дѣло филантропіи, а самосохраненія. Дѣти настоящимъ настроеніемъ такъ деморализуются, что въ будущемъ могутъ сдѣлаться разбойниками. Вслѣдствіе локаута масса дѣтей выброшена на улицу. Собраніе постановило немедленно открыть отдѣленіе, для чего приглашенъ комитетъ изъ 33 лицъ.

Но не надо забывать, что въ извѣстные моменты, а въ особенности въ періоды реакціи, наступающіе послѣ сильнаго подъема, буржуазія неизбѣжно будетъ прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, какъ локаутъ, и тогда въ рукахъ пролетаріата, въ качествѣ единственнаго средства борьбы, остается крайнее средство — экономическій терроръ.

⁂

Въ газетахъ появилась резолюція большевиковъ петербургской организаціи р. с.-д. р. п., въ которой переговоры меньшевиковъ съ кадетами во время выборной кампаніи называются „недостойными торгами за думскія мѣста"; поведеніе меньшевиковъ послѣ разрыва съ к.-д., ихъ отрицательное отношеніе къ лѣвому блоку также квалифицируется авторами резолюціи, какъ „политически недостойное" и вносится ими на разсмотрѣніе партійнаго суда, организуемаго центральнымъ комитетомъ партіи по дѣлу Ленина. Послѣдній, какъ извѣстно читателямъ, привлеченъ къ партійному суду за то, что онъ печатно обвинилъ меньшевиковъ въ измѣнѣ прелетарскому дѣлу. Большевики рѣшили

„въ противовѣсъ кампаніи, поднятой ц. к. лично противъ Ленина, немедленно повести широкое освѣдомленіе петербургскаго пролетаріата обо всемъ ходѣ с.-д. избиратекьной кампаніи въ Петербургѣ и о роли въ ней меньшевиковъ".

Обвиненіе направлено не только противъ петербургскихъ меньшевиковъ, какъ коллективнаго цѣлаго, но и въ частности лично противъ Дана.

Предъ нами яркій примѣръ развращенія, вносимаго въ среду вчерашнихъ революціонеровъ борьбой за власть. И въ эту борьбу личнаго самолюбія партійная интеллигенція старается втянуть и борющійся пролетаріатъ! Мы увѣрены что рабочіе отвернутся отъ этой „ярмарки тщеславія" и поймутъ, что дѣло ихъ освобожденія не имѣетъ ничего общаго съ интригами политикановъ.

Что же касается возмущенія большевиковъ по поводу недостойнаго торга за мѣста, то практика ихъ западно-европейскихъ товарищей должна была, казалось бы, давно притупить у нихъ это недостойное истинныхъ „политиковъ" чувство.

⁂

Меньшевикъ Евг. Маевскій въ передовой статьѣ №3 журнала „Нашъ Міръ", озаглавленной „Лѣвая Дума" указываетъ на оборотную сторону побѣды лѣвыхъ на выборахъ.

„Народныя массы посылали въ первую Думу своихъ представителей, твердо вѣря въ то, что однихъ усилій этихъ избранниковъ въ Думѣ достаточно для того, чтобы разрѣшить всѣ нужды и горе народа. Однако, Дума была распущена, а народъ такъ и не получилъ ничего. Сознаніе народныхъ массъ воспринимало этотъ фактъ и переработало его по своему. — Не самъ народъ, не народная пассивность оказались виновны во всемъ, а только Дума, только большинство этой Думы, на которую народъ возлагалъ такія несбыточныя надежды. Крайніе же лѣвые своей своеобразной критикой кадетскаго большинства только поддерживали и укрѣпляли этотъ предразсудокъ, не замѣчая того, что этимъ самымъ они поддерживаютъ въ народѣ тѣ „конституціонныя (вѣрнѣе, думскія) иллюзіи", о которыхъ такъ громко и такъ много кричали и наши товарищи-большевики.

И если прежде, — чѣмъ мы далѣе, въ первой Думѣ на каждый шагъ, на каждое движеніе ея народъ смотрѣлъ какъ на выступленіе кадетъ, то теперь за каждый шагъ, за каждое выступленіе второй Думы передъ народомъ будетъ отвѣтственно лѣвое большинство. Если первая кадетская Дума въ глазахъ широкихъ массъ народа не сумѣла сдѣлать то, что отъ нея ожидалъ получить народъ, то, если и лѣвая Дума самой осторожной и гибкой политикой не сумѣетъ внушить народу, что въ немъ самомъ и только въ немъ лежитъ рѣшеніе его судьбы, а не въ лѣвыхъ (или кадетскихъ) депутатахъ, тогда и лѣвую Думу ждетъ такое же крушеніе въ глазахъ народа, какое потерпѣла кадетская Дума. Къ разбитымъ кадетскимъ иллюзіямъ въ сознаніи народа добавятся разбитыя лѣвыя иллюзіи".

Какъ же дать понять народу, что его освобожденіе находится въ его собственныхъ рукахъ, а не въ рукахъ депутатовъ? Вѣдь если народъ этого не пойметъ, то, въ случаѣ вторичнаго роспуска думы, лѣвыя партіи, въ томъ числѣ и соціалъ-демократическая будутъ безнадежно скомпрометированы въ глазахъ избирателей. Гдѣ же выходъ?... Только, конечно, не въ отказѣ отъ депутатскихъ полномочій!... Г. Евг. Маевскій находитъ болѣе соотвѣтствующее духу соціалъ-демократіи средство:

„Только поддерживая, когда надо, кадетскую фракцію или лѣвую въ Думѣ (или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ) противъ самодержавной бюрократіи и только безпощадно критикуя какъ кадетскую умѣренность, такъ и революціонную фразу лѣвыхъ, соц.-демократическая фракція скорѣе и больше всего будетъ способствовать превращенію Думы настроенія въ Думу движенія и организаціи народныхъ массъ".

— ???...

⁂

Расколъ въ средѣ русской соціалъ-демократіи заставляетъ обѣ стороны высказывать, какъ о враждебной фракціи, такъ иногда и о всей партіи въ цѣломъ истины, которыя квалифицируются соціалъ-демократами, какъ злостныя извращенія, когда онѣ исходятъ отъ ихъ противниковъ. Такъ г. А. Потресовъ въ №4 „На Очереди", въ статьѣ „Наши задачи" говоритъ о „парадоксахъ соціалъ-демократическаго развитія":

„Въ русской жизни сложилось нѣсколько много парадоксовъ невѣроятныхъ, а подчасъ и ромскихъ, но величайшимъ парадоксомъ остается до сихъ поръ — россійская соціалъ-демократія. . . . .

Она сожгла то, чему поклонялась и поклонялась тому, что сжигала. Сколько копій въ свое время было сломано противъ соц.-революціонеровъ изъ за террора, — теперь терроръ нашелъ себѣ мѣсто въ ея миросозерцаніи. Сколько чернилъ было пролито, сколько перьевъ истрачено изъ за доказательства мелко-буржуазной природы крестьянства, изъ за оспариванія народническихъ надеждъ на деревню, изъ за знаменитой формулы соціалъ-революціонныхъ публицистовъ, что Россія ждетъ демократическая, но не буржуазная революція.

А теперь — все это было и быльемъ поросло.

Диктатура пролетаріата и крестьянства — вотъ конечная цѣль всего настоящаго политическаго періода, ради которой постепенно поглощается различіе частей. Мелкобуржуазность крестьянства остается только словеснымъ украшеніемъ, а политическая отсталость Россіи перестаетъ на дѣлѣ играть какую бы то ни было роль при оцѣнкѣ русской дѣйствительности. Словомъ, если отвлечься отъ наличныхъ еще идеологическихъ навыковъ — какъ своего рода пережитковъ прошлаго — и традиціонной терминологіи, то невозможно опредѣлить въ настоящее время, гдѣ кончается соціалдемократъ большевистскаго толка и гдѣ начинается соціалистъ-революціонеръ.

Въ чемъ же дѣло и гдѣ причина этихъ парадоксовъ?

„Въ мелкобуржуазности всего строя русской жизни", въ согласіи съ логикой отвѣчаетъ на свой собственный вопросъ г. Потресовъ:

У соціалъ-демократіи еще нѣтъ достаточно крѣпкаго становаго хребта въ самодѣятельномъ классѣ. Отсюда ея вѣчныя шатанія, ея большевистско-интеллигентская утопія, ея склонность къ эсъ-эровскимъ взглядамъ, ея бланкистская тактика, ея мелкобуржуазное революціонное фразерство и, наконецъ, — не послѣднее дѣло, — ея размѣры, не стоящіе ни въ какомъ соотношеніи съ ея дѣйствительными силами, съ ея пролетарской сущностью.

⁂

Изъ первоисточниковъ соціалъ-демократической междуфракціонной полемики... Цитируемъ передовую статью №4 журнала „На Очереди", принадлежащую перу г. Мартынова.

И вотъ въ то самое время, когда вся пресса подвергаетъ фракцію травлѣ за ея излишнюю заботу о самостоятельности, члены той же партіи въ большевистской газетѣ „Новый Лучъ" дѣлаютъ на фракцію нападеніе съ тылу и обвиняютъ ее какъ разъ въ противоположномъ, что она какъ „вѣрный рабъ либераловъ" подписалась подъ всѣми кадетскими требованіями.

Это облыжное обвиненіе дѣлается по поводу выбора президіума, по поводу того шага фракціи, который былъ направленъ и который привелъ къ первой побѣдѣ лѣвыхъ надъ к.-д. Чтобъ доказать свое обвиненіе газета злостно искажаетъ всѣ факты. Таковыя ея первые шаги въ думскій періодъ. Позоръ!

Покойная „Искра" можетъ мирно спать въ гробу; духъ ея живетъ въ ея потомкахъ!

⁂

Въ передовой статьѣ отъ 7 апрѣля „Рѣчь" цитируетъ статью В. Чернова изъ „Земли и Воли":

„Поставимъ всѣ точки надъ i. Если бы кадетамъ дѣйствительно удалось, хотя бы путемъ пожертвованій въ своей программѣ, проложить себѣ дорогу черезъ этапъ легализаціи къ власти, мы противъ этого ничего бы ровно не имѣли. И мы не стали бы, подобно нашимъ друго-врагамъ — соціалъ-демократамъ, по этому поводу бить тревогу и кричать о предательствѣ и объ измѣнѣ кадетовъ интересамъ трудового народа".

„Рѣчь" обижена: говорить такъ, не значитъ ли сказать:

Чего вамъ стоить: вѣдь вы, все равно, измѣнники и предатели", оставьте уже „журнальныя традиціи"; бросайтесь смѣло въ воду...Будьте октябристами и освободите для насъ свою вакансію. А то и мы хотѣли бы передвинуться вправо, а мѣсто уже занято вами. Посторонитесь скорѣе!

Поймите, — обращаясь къ с.-р. и к.-с. остроумно заканчиваетъ авторъ свою статью:

что вамъ не понадобится превращать насъ въ „октябристовъ", если сами вы сумѣете во время и открыто признаться въ томъ, что жизнь и дѣйствительность давно уже сдѣлала васъ ка-детами.

ЗАГРАНИЧНАЯ ХРОНИКА.

ФАКТЫ И МЫСЛИ.

Во Франціи рабочіе, какъ напр. булочники, парикмахеры, приказчики, служащіе въ ресторанахъ не имѣли еженедѣльнаго отдыха. Подъ вліяніемъ сильнаго синдикальнаго движенія послѣднихъ мѣсяцевъ радикально-соціалистическое правительство издало 13-го февраля 1906 года законъ, ставящій въ обязанность всѣмъ хозяевамъ, дать рабочимъ одинъ день отдыха въ недѣлю. Хозяева нашли этотъ законъ невыгоднымъ для себя и оставили его безъ послѣдствій. Если правительство вообще, каково бы оно ни было, издаетъ законы болѣе или менѣе полезные рабочему классу лишь подъ вліяніемъ сильнаго непосредственнаго рабочаго движенія, примѣненіе этихъ законовъ зависитъ также отъ энергичнаго и самостоятельнаго давленія самихъ рабочихъ на хозяевъ. Въ Австраліи напр. законъ о 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ былъ изданъ еще въ 1856 году; но онъ примѣнялся лишь тамъ, гдѣ рабочіе были достаточно сильны, чтобы заставить хозяевъ принять этотъ день. Въ Мельбурнѣ, большомъ фабричномъ городѣ Австраліи, въ 1859 году только 11 фабрикъ ввели 8-ми часовый рабочій день; въ 1869 только 12 въ 1891 году уже 60 и въ послѣднее лишь время, благодаря своимъ организаціямъ, рабочіе успѣли заставить всѣхъ хозяевъ примѣнить 8-ми часовый рабочій день. Въ Англіи несмотря на законъ 1847 г. ткачи всетаки продолжали работать, какъ и раньше 12 часовъ, и только послѣ цѣлаго ряда стачекъ хозяева ввели наконецъ 10-ти часовый законный день. Законъ, каковъ бы онъ ни былъ, не имѣетъ самъ по себѣ никакой силы, и французскіе рабочіе, несмотря на законъ, должны были сообразно требованіямъ хозяевъ продолжать, какъ и раньше, работать безъ отдыха. Рабочіе обращались съ петиціями къ г. Вивіани-министру труда. Его Сіятельство соц.-демократъ Вивіани любезно принималъ рабочихъ, обѣщалъ имъ, что законъ будетъ точно выполненъ и разсылалъ по этому поводу строгіе оффиціальные циркуляры, а тайкомъ давалъ распоряженія относиться снисходительно и осторожно къ хозяевамъ. Нѣкоторые рабочіе жаловались фабричнымъ инспекторамъ и полицейскимъ чиновникамъ, а эти послѣдніе доносили хозяевамъ на жаловавшихся рабочихъ, послѣ чего, конечно, рабочіе получали разсчетъ, и ихъ примѣты передавались прочимъ хозяевамъ. Происходили также забастовки, и правительство посылало вооруженную силу для охраны хозяевъ, противившихся закону. Все это доказывало рабочимъ, что хозяева не хотятъ дать еженедѣльнаго отдыха, что правительство нисколько не желаетъ ссориться съ этими послѣдними и примѣнить свой же законъ, и что рабочіе, какъ и всегда, должны полагаться лишь на свою собственную энергію. Парижская Конфедерація синдикатовъ рѣшила устроить уличную демонстрацію цѣль которой, какъ говоритъ ея манифестъ, была бы, „дать возможность всему рабочему классу проявить самую полную солидарность въ борьбѣ за улучшеніе положенія рабочаго, за уменьшеніе трудового дня и въ особенности за введеніе еженедѣльнаго отдыха, который, благодаря правительству и хозяевамъ, далеко еще не примѣненъ вездѣ."

„Рабочіе делегаты синдикальныхъ организацій — говорилось дальше — стоятъ противъ того, чтобы придать этой манифестаціи характеръ демонстраціи въ пользу закона, такъ какъ законъ о еженедѣльномъ отдыхѣ, — какъ и всѣ прочіе законы есть лишь

слѣдствіе общественнаго мнѣнія созданнаго агитаціей, предшествовавшей этому закону." Демонстрація была назначена на 20 января и, такъ какъ роль всякаго правительства самаго либеральнаго или самаго реакціоннаго состоитъ въ томъ, чтобы защищать всегда и вездѣ хозяевъ противъ рабочихъ и помѣшать всякому проявленію самостоятельной энергіи, — радикально-соціалистическое правительство приняло свои мѣры. Демонстрація была запрещена и 20 января Парижъ, находился чуть ли не въ осадномъ положеніи: 15,000 полицейскихъ и солдатъ были размѣщены на центральныхъ пунктахъ; Биржа Труда закрыта и наполнена вооруженными солдатами; повсюду шпіоны, солдаты, полицейскіе, офицеры... Несмотря на все это, рабочіе въ назначенный день были на улицахъ. Какъ и слѣдовало ожидать, произошли столкновенія рабочихъ съ правительственными силами, республиканская полиція звѣрствовала не хуже, чѣмъ русская, многіе рабочіе были избиты, другіе арестованы; но въ концѣ концовъ демонстрація состоялась, рабочій классъ проявилъ свою солидарность и свою готовность прямымъ воздѣйствіемъ ввести всеобщій еженедѣльный отдыхъ; и въ слѣдующее уже воскресенье многіе хозяева закрыли свои магазины и лавки. Почти во всѣхъ французскихъ городахъ въ тотъ же день состоялись также демонстраціи или митинги, и почти повсюду были приняты одинаковыя по существу резолюціи. Такъ, въ Ниццѣ напр. рабочіе въ своей резолюціи говорятъ слѣдующее: „Принимая во вниманіе, что законъ о еженед. отдыхѣ былъ изданъ въ пользу рабочихъ и, что, какъ и всѣ законы, покровительствующіе рабочимъ, — этотъ законъ не примѣняется хозяевами; принимая во вниманіе, что рабочій классъ не можетъ ничего добиться легальными путями, и, что единственное средство заставить примѣнить еженедѣльный отдыхъ заключается въ объединеніи энергіи всѣхъ рабочихъ... Рабочіе всѣхъ корпорацій приглашаютъ правительство примѣнить немедленно и всецѣло законъ объ еженѣд. отдыхѣ, въ противномъ же случаѣ они обѣщаютъ добиться права на отдыхъ своими собственными силами и всѣми средствами".

Бельгійское конституціонное правительство, подобно французскому радикалъ-соціалистическому, издало также законъ о еженед. отдыхѣ; и такъ какъ хозяева, будь они республиканцами, монархистами, соціалистами или кадетами, имѣютъ одни и тѣ же интересы, находятся всегда въ полномъ противорѣчіи съ интересами рабочихъ, и такъ какъ всякое правительство подъ какой бы маской оно не скрывалось есть лишь боевая организація хозяевъ, бельгійскій, законъ какъ и французскій, остался мертвой буквою.

20 же января рабочіе Брюсселя устроили также и по тому же поводу уличную демонстрацію. Несмотря на полицейское вмѣшательство, рабочимъ удалось все таки закрыть магазины, оставшіеся открытыми, и демонстрація имѣла въ результатѣ большее уваженіе хозяевъ къ рабочимъ требованіямъ.

Факты рабочей жизни, факты классовой борьбы говорятъ больше, чѣмъ всякія болѣе или менѣе научныя теоріи. Рабочій на фактахъ, на практикѣ узнаетъ, что никакое правительство не даетъ по добротѣ души благопріятныхъ для рабочихъ законовъ. Нужна энергичная борьба, прямая и непосредственная борьба рабочихъ противъ хозяевъ, чтобы заставить этихъ послѣднихъ сдѣлать нѣкоторыя уступки. И только тогда, когда многіе уже рабочіе фактически добились этихъ уступокъ, правительство легализируетъ фактъ, издавая соотвѣтствующій законъ.

Но каковы бы ни были завоеванныя улучшенія, ихъ вліяніе на общее положеніе рабочаго класса слишкомъ поверхностно и очень непродолжительно. Въ Новой Зеландіи, напр. рабочіе, успѣли повысить плату на 8 %, но цѣны на жизнь въ тотъ же промежутокъ времени увеличились на 30 %. Фарнцузскій законъ о еженедѣльномъ отдыхѣ, повысивъ немедленно цѣны на всѣ необходимые продукты, показываетъ, что въ положеніи рабочихъ улучшенія съ одной стороны оплачиваются почти всегда ухудшеніями съ другой. Современное общество, основанное на частной собственности и власти, основанное на двухъ классахъ, интересы которыхъ несовмѣстимы и враждебны, представляетъ изъ себя одно цѣлое, малѣйшія части котораго не могутъ быть измѣнены безъ измѣненія всѣхъ частей, не могутъ быть улучшены безъ улучшенія всего цѣлаго. Улучшеніе въ положеніи рабочихъ, какъ класса несовмѣстимо съ существованіемъ современнаго строя, невозможно безъ полнаго разрушенія основъ современнаго общества. Освобожденіе рабочихъ, ихъ жизнь полная свободной дѣятельности и солидарнаго труда, ихъ жизнь, широко и вольно развивающаяся во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности, возможна лишь тамъ, гдѣ земля, всѣ орудія и продукты труда принадлежатъ всѣмъ, гдѣ нѣтъ ни хозяевъ, ни наемниковъ, ни властителей, но вольныя ассоціаціи свободныхъ рабочихъ. И это общество невозможно безъ разрушенія теперешняго рабскаго, дикаго, авторитарнаго строя, оно не возможно безъ революціонной всеобщей забастовки рабочихъ и крестьянъ, безъ революціонной экспропріаціи правителей и хозяевъ въ пользу рабочихъ и крестьянскихъ коммунъ.

∴

Едва франц. буржуазія успѣла успокоиться отъ январскаго синдикальнаго движенія, какъ новая стачка, неожиданная и быстрая, какъ молнія, внесла вновь переполохъ въ лагерь капиталистовъ и ихъ вѣрныхъ слугъ — депутатовъ и правителей. Вечеромъ 8 марта, въ моментъ, когда парижская жизнь бьетъ ключемъ, когда улицы полны движенія, шума, когда магазины, рестораны, кофейни переполнены народомъ, всѣ электрическія лампы на улицахъ, въ домахъ, магазинахъ, редакціяхъ, театрахъ, министерствахъ и дворцахъ вдругъ, какъ по волшебному знаку тухнутъ и „свѣтлый городъ" Парижъ погрузился въ таинственный и полный неизвѣстности мракъ. Что произошло? 1,800 рабочихъ электричества по тайному сигналу ихъ стачечнаго комитета пріостановили машины, потушили огни и покинули работу. 1,800 рабочихъ сложили руки, и ночная жизнь „столицы міра" пріостановлена, газеты не появляются, театры закрыты, торговые дома въ затруднительномъ положеніи. Почти всѣ отрасли современнаго производства находятся въ тѣсной зависимости одна отъ другой, рабочая солидарность все болѣе и болѣе развивается, и буржуазія ставитъ себѣ вопросъ: что будетъ дальше? Что будетъ, если рабочіе занятые въ газовомъ производствѣ оставятъ работу; что будетъ, если недостатокъ электричества и газа заставитъ другихъ рабочихъ покинуть фабрики и заводы и выйти на улицу? Всеобщая забастовка носится въ воздухѣ, и таинственная темнота ночи 8 марта наводитъ страхъ и бросаетъ въ ярость хозяевъ и правителей, надѣявшихся, что рабочіе будутъ безконечно заниматься „политической борьбой". Стачка опасная, примѣръ заразителенъ, могущество рабочихъ слишкомъ очевидно и радикально-соціалистическое правительство принимаетъ немедленно мѣры. Биржа труда вновь закрыта; электрическія машины охраняются демократическими солдатами; среди парижскихъ полковъ разыскиваются „воины" способные замѣнить забастовавшихъ рабочихъ, и въ муниципальномъ совѣтѣ, порицая стачку раздается голосъ, голосъ соц.-демократа Розье: „Съ высоты этой трибуны я призываю рабочихъ немедленно возвратиться на электрическіе заводы и вполнѣ довѣриться Муниципалитету". Но соц.-демократическое воззваніе осталось безъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что причиной стачки явился самъ же Муниципальный Совѣтъ. Контрактъ, въ силу котораго одна финансовая компанія доставляетъ Парижу освѣщеніе и электрическую силу, необходимую для частныхъ предпріятій, приходитъ къ концу. Другая компанія предложила парижскому Муниципальному Совѣту доставлять электричество по болѣе дешевой цѣнѣ и дать 7 милліоновъ въ кассу рабочихъ пенсій. Муниципальный Совѣтъ въ принципѣ принялъ это предложеніе, но раньше, чѣмъ старый контрактъ пришелъ къ концу, обѣ конкуррирующія компаніи вошли въ соглашеніе, повысили плату на электричество и обѣщали уже только 3 милліона для пенсіи рабочимъ. Эта сдѣлка должна была принести объединенной компаніи въ 20 лѣтъ 600 милліоновъ чистаго барыша. Радикально-соціалистическій муниципалитетъ принялъ новыя условія, хотя другая еще финансовая компанія предлагала еще болѣе низкую цѣну за электричество и принимала вполнѣ рабочія требованія. Но съ ней даже не хотѣли говорить. Панамское дѣло еще не такъ далеко, слово „взятка" существуютъ на всѣхъ языкахъ, и разница между Монархіей и Демократіей, это та, что въ демократіи эти „дѣла" требуютъ большей деликатности и большей суммы, такъ какъ число „правыхъ рукъ, невѣдующихъ, что творитъ лѣвыя" болѣе обильно. Какъ бы то ни было, правительство, Муниципалитетъ и многія финансовыя кампаніи почувствовали себя безсильными противъ 1,800 рабочихъ, и два дня послѣ начала стачки рабочія требованія были выполнены по всѣмъ пунктамъ.

Стачка во Франціи, какъ и въ прочихъ демократическихъ странахъ признана легальнымъ явленіемъ, но, такъ какъ легальность, законы, уставы и пр. суть только фетиши, передъ которыми преклоняются лишь тѣ, кто слабъ, и кто вѣритъ въ нихъ, понятно, что правительство, каково бы оно ни было, не останавливаетъ ни передъ какою легальностью, когда капиталистическіе интересы подвержены опасности, и, такъ какъ главная роль арміи состоитъ въ защитѣ „порядка и тишины", понятно, что правительство прибѣгаетъ къ военной силѣ, какъ только рабочіе бастуютъ и нарушаютъ этимъ тихій порядокъ эксплуатаціи народнаго труда. Но усмирять рабочихъ — недостаточно, нужно еще обезпечить производство и обезпечивъ его, голодомъ заставить рабочихъ принять благопріятную для хозяевъ наемную плату. И по мѣрѣ того, какъ однѣ стачки идутъ за другими, какъ порядокъ производства нарушается все болѣе частыми вспышками рабочаго класса, среди капиталистовъ, правителей и хозяевъ проявляется стремленіе сдѣлать изъ военной арміи „армію труда" способную, при первой необходимости, замѣнить стачечниковъ и обезпечить производство. Покамѣсть эта „армія труда" еще не усовершенствована, и правительство не смогло найти среди солдатъ, обязанныхъ подъ страхомъ смертной казни повиноваться начальству, достаточное число способныхъ замѣнить рабочихъ электрическихъ станцій. Неудивительно по-

этому, что „просвѣщенное" „передовое" и болѣе чѣмъ демократическое правительство серьезно готовится дать отбывающимъ воинскую повинность не только военное, но и техническое промышленное образованіе. „Учрежденіе арміи труда для земледѣлія" не является покамѣстъ крайней необходимостью, такъ какъ крестьянскія забастовки еще сравнительно рѣдки, но промышленная „армія труда" является уже почти вопросомъ жизни или смерти для буржуазнаго строя. Какъ бы то ни было эта эволюція чисто военной арміи въ „армію труда" оказывается „нелегальной", и послѣ рабочихъ электриковъ с.-д. Жоресъ потребовалъ у соц.-рад. Клемансо объясненій о нелегальныхъ вмѣшательствахъ арміи въ легальную забастовку. По поводу этого запроса одинъ журналистъ спросилъ у стачечниковъ ихъ мнѣніе; рабочіе Пато и Тайе отвѣтили отъ имени своихъ товарищей слѣдующее: „Мы даже не знали что былъ запросъ Жореса. Мы не просили, чтобы за насъ требовали объясненій отъ правительства, всѣ эти запросы — это комедія, которую политики разыгрываютъ на нашей спинѣ. Она никакого значенія не имѣетъ. Имѣемъ ли мы право на стачки или нѣтъ? Если имѣемъ, пусть оставятъ насъ въ покоѣ; если нѣтъ, мы его завоюемъ. И когда мы начнемъ, мы пойдемъ до конца. Достаточно будетъ для этого приложить на практикѣ теорію теперешняго министра Бріана о Всеобщей Забастовкѣ. [illegible] Запросы, интриги, махинаціи, хитрости и тонкости политиковъ — [illegible] намъ на все это наплевать. Предварительныя мѣры не послужатъ ни къ чему, а репрессіи подвинутъ лишь событія впередъ, — и нѣтъ той власти которая сможетъ пріостановить то, къ чему мы стремимся". И рабочіе правы: ни „армія труда", работающая подъ страхомъ каторги или смертной казни вмѣсто бастующихъ рабочихъ и создающая фактически „одинаковую обязательность труда для всѣхъ"; ни централизація перевозочныхъ средствъ, частичный проектъ которой вырабатывается теперь депутатами, и которая, примѣняя къ желѣзнодорожнымъ рабочимъ военные законы, позволитъ буржуазіи обезпечить перевозку товаровъ, солдатъ и шпіоновъ рабочаго класса; ни „коллективный контрактъ", связывающій легально рабочихъ по рукамъ и ногамъ; ни „рабочія пенсіи" и „обязательное страхованіе", имѣющіе цѣлью заинтересовать рабочихъ въ продолженіи капиталистическаго строя; ни „централизація кредита въ рукахъ государства", позволяющая ему выкупить по дорогой цѣнѣ фабрики, гдѣ рабочіе часто бастуютъ; ни всѣ прочія репрессивныя, предварительныя и соціально-демократическія мѣры не пріостановятъ синдикальнаго движенія и рабочихъ стремленій къ свободѣ и солидарности, къ анархіи и коммунизму.

* *

Буржуазія, конечно, хитра, разумна, краснорѣчива и тонка; но буржуазныя хитрости, ихъ умныя выдумки и мудрыя затѣи разбиваются повседневной борьбой рабочаго класса. Сама жизнь, сама классовая борьба, каждодневные факты этой борьбы даютъ рабочимъ больше вѣрныхъ идей и точныхъ понятій, чѣмъ всевозможные ученыя [illegible] друзей рабочаго люда. Рабочая жизнь, ихъ борьба, стачки, опытъ прошлыхъ революцій и [illegible] правительственныхъ [illegible] научили ихъ больше, чѣмъ многословныя рѣчи „народныхъ" представителей" и арифметическія вычисленія [illegible] революціонной энергіи. Жизнь и борьба — учитъ рабочихъ великой науки, науки свободы, истины, энтузіазма, анархіи. И, благодаря этой наукѣ, они уже знаютъ, что великое дѣло освобожденія рабочихъ и крестьянъ не совершится само собой, не упадетъ съ неба, не можетъ быть введено легальнымъ порядкомъ. Можно было бы найти какой угодно парламентъ или думу всевозможныхъ представителей — отъ этого экономическое рабство народа не измѣнится; можно издать самые удивительные законы — отъ этого неизбѣжность и необходимость революціи не уничтожается. Всякое правительство есть лишь слѣдствіе и отраженіе экономическаго рабства; всякое правительство беретъ свои корни въ каждой мастерской, каждой экономіи, каждой фабрикѣ; оно черпаетъ свои источники въ отношеніяхъ работодателей и наемниковъ, эксплуататоровъ и рабочихъ. Всякое правительство не представляетъ изъ себя какой то внѣшней, самоопредѣлившейся, независимой силы, способной чудотворно, какъ въ сказкахъ, волшебными словами-законами перемѣнить рабочихъ-рабовъ въ вольныхъ и свободныхъ людей. Нѣтъ, правительство, какъ власть, существуетъ лишь потому, что существуетъ власть хозяевъ надъ рабочими, и правительственная власть есть лишь выраженіе коллективной экономической власти всѣхъ хозяевъ. Коллективная хозяйская власть, государство принимаетъ разнообразныя формы, сообразно силѣ рабочей борьбы противъ капиталистовъ, хозяевъ. Экономическая классовая борьба, революціонная борьба, одна только способна освободить рабочихъ отъ ига хозяевъ и ихъ коллективной власти — государства. Великое дѣло освобожденія рабочихъ отъ матеріальнаго и умственнаго рабства требуетъ упорной, смѣлой, энергичной, прямой и непосредственной борьбы самихъ же рабочихъ. Свободѣ учатся, какъ учатся ходить, и лишь въ постоянной борьбѣ рабочіе смогутъ накопить необходимыя силы для окончательной революціонной борьбы. Повседневная борьба, все болѣе частыя стачки, ихъ все большая революціонность приближаютъ и приготовляютъ соціальную революцію и ея первый актъ: всеобщую забастовку.

Всеобщая забастовка невозможна безъ широкой солидарности рабочихъ и, благодаря борьбѣ, благодаря постояннымъ столкновеніямъ рабочихъ и хозяевъ развивается и расширяется борьба и выдвигаются забастовки симпатіи, солидарности, помощи.

Въ маленькомъ городкѣ Романской Швейцаріи часть рабочихъ шоколадной фабрики „Кайлеръ и Петеръ" составили синдикатъ. Администрація, узнавъ объ этомъ, разсчитала директора фабрики, непринявшаго никакихъ мѣръ противъ синдикированныхъ рабочихъ. Назначенъ былъ новый директоръ, и сейчасъ же начались всевозможныя притѣсненія и всякаго рода угнетеніе рабочихъ, осмѣлившихся воспользоваться „законными" свободами. Рабочіе не могли вынести преслѣдованій и 20 марта они объявляютъ забастовку. Немедленно же рабочіе сосѣдняго города Веве объявляютъ забастовку, въ знакъ солидарности съ товарищами шоколадной фирмы. Происходятъ демонстраціи и незначительныя „покушенія на собственность"; демократическое правительство Швейцаріи, вѣрное свойственной всякому правительству роли: защищать хозяевъ и и богатыхъ, призываетъ подъ оружіе народную милицію. Веве въ осадномъ положеніи, фабрики охраняются солдатами, демонстраціи разгоняются, рабочихъ бьютъ и ранятъ. Какъ только рабочіе городовъ Монтрэ и Лозанны узнаютъ о геройскихъ подвигахъ народной милиціи, они поднимаются тоже и покидаютъ работу. Лозанна и Монтрэ бастуютъ; правительство конфискуетъ синдикальную газету, закрываетъ коммунистическую типографію, наполняетъ улицы солдатами, жандармами, шпіонами. Стачечная волна изъ Лозанны переходитъ въ Женеву. Женевская федерація рабочихъ синдикатовъ объявляетъ всеобщую забастовку: демонстраціи, аресты, подвиги жандармовъ. Рабочіе городовъ Невшателя и Шо-де-Фона волнуются и обсуждаютъ вопросъ о забастовкѣ. Въ воздухѣ носится гроза, буржуазныя газеты гласятъ „время кокетства съ рабочими прошло; необходимо занять свои позиціи и быть съ той или другой стороны баррикады"; положеніе становится опаснымъ, и могучіе хозяева шоколадной фабрики, гдѣ около ста синдикальныхъ рабочихъ начали стачку, должны были спустя десять дней уступить подъ вліяніемъ солидарнаго движенія рабочаго класса всей Романской Швейцаріи. Синдикальная солидарность побѣдила хозяевъ и ихъ вѣрныхъ лакеевъ-правителей, и попытка всеобщей забастовки позволила рабочимъ узнать, кто находится съ „той или другой стороны баррикады". Корреспондентъ газеты „Tribune de Genève", отдавая 27 марта отчетъ о стачечномъ движеніи, покрывая лаврами офицеровъ, и восхваляя солдатъ „которые несмотря на начало полевыхъ работъ не колебались, по первому призыву явились съ оружіемъ для защиты порядка и свободы труда" пишетъ слѣдующее: „Эту стачку, разразившуюся, какъ громъ, многіе уже предвидѣли. Нѣсколько разъ уже раньше рабочіе депутаты Лозанны намъ заявили, что они не могутъ больше справиться съ буйными элементами, съ рабочими, проявляющими анархическія и революціонныя стремленія. „Вы увидите, говорилъ намъ недавно одинъ рабочій депутатъ, вы увидите, что все это кончится плохо. Насъ не слушаютъ больше, насъ называютъ продажными душами, буржуями и политиканами. Мы не можемъ уже справиться съ многими изъ нашихъ людей (дословно). И это настолько вѣрно, что нѣкоторые изъ насъ на недавнемъ рабочемъ собраніи открыто выступили противъ буйныхъ элементовъ, предсказывая имъ, что произойдетъ и предостерегая рабочихъ отъ употребленія насилія, которое повредитъ даже самымъ справедливымъ рабочимъ требованіямъ. Нужно было для этого имѣть нѣкоторую храбрость, и одинъ изъ депутатовъ Лозанны Бейслеръ (с.-д.) имѣлъ ее, но онъ былъ освистанъ, и еще какъ"... На дняхъ, по поводу послѣднихъ событій, я говорилъ съ нѣкоторыми городскими представителями и депутатами соціалистами. Оплакивая событія, они не очень опечалены тѣмъ что происходитъ: „Наши люди (дословно) видятъ теперь куда ихъ ведутъ бунтари! Они не хотѣли больше насъ слушать! Вотъ теперь они будутъ расхлебывать кашу. Конечно, мы пострадаемъ тоже, но во всякомъ случаѣ наша совѣсть чиста". Я передаю ихъ слова безъ комментаріевъ. „Факты имѣютъ свое краснорѣчіе" — заканчиваетъ корреспондентъ.

* * *

Рабочіе латинскихъ странъ, благодаря опыту и борьбѣ отклоняются все болѣе и и болѣе отъ политиковъ и всякихъ, якобы народныхъ, представителей. Сознательно или безсознательно всѣ политическія партіи, стремящіяся къ захвату власти, способствуютъ укрѣпленію капиталистическаго строя. Капитализмъ не есть лишь экономическая эксплуатація; онъ является еще умственной, моральной и политической эксплуатаціей рабочаго класса. Если капиталистъ эксплуатируетъ мускульную силу и держитъ рабочаго впроголодь, политикъ эксплуатируетъ религіозные инстинкты, вѣру во всемогущество закона и государства и держитъ рабочаго въ невѣжествѣ и умственномъ рабствѣ. Политическая и капита-

листическая эксплуатація идутъ рука объ руку. Характеръ и идеи личностей эксплуатирующихъ рабочихъ безразличны, такъ какъ фактъ эксплуатаціи отъ этого не измѣняется. И подобно тому, какъ „хорошій" хозяинъ въ своихъ экономическихъ отношеніяхъ съ рабочими, руководится въ особенности общимъ положеніемъ торговаго рынка и конкурренціей своихъ собратій, политикъ соціалистъ считается съ общими идеями избирающаго большинства и конкурренціей своихъ собратій. Въ силу конкурренціи онъ долженъ понизить свои идеи и, приспособляясь къ интересамъ и невѣжеству избирающаго большинства, онъ долженъ приспособить соціалистическій идеалъ къ мелко-буржуазному идеалу большинства.

Но подобно тому, какъ „добрый" хозяинъ, понижая въ силу конкурренціи цѣны на свой товаръ, понижаетъ заработную плату или увеличиваетъ рабочій день и тѣмъ самымъ увеличиваетъ рабство и бѣдность рабочихъ; „добрый" политикъ соціалистъ, понижая свой идеалъ увеличиваетъ сумму ложныхъ идей, укрѣпляетъ политическое суевѣріе и тѣмъ самымъ принижаетъ волю, иниціативу и мышленіе рабочаго класса. Въ парламентѣ „хорошій" депутатъ, если онъ не хочетъ играть роли „нѣмого упрека" и статуи народной скорби, подъ вліяніемъ конкурренціи партій и необходимости приспособиться къ дѣлающему законы большинству понижаетъ еще болѣе свои цѣны, вѣрнѣе, идеи и становится лишь маленькой, но необходимой частичкой правительствующей машины. Съ парламентской трибуны раздаются его плавныя рѣчи. Газеты ихъ печатаютъ болѣе или менѣе вполнѣ сообразно своимъ политическимъ мнѣніямъ; гражданинъ обыватель почитываетъ ихъ и находитъ въ рѣчахъ... широкія идеи, благородныя стремленія, призывы къ энергіи, критикѣ, самостоятельному дѣйствію? Нѣтъ, въ „хорошихъ" рѣчахъ своего депутата онъ находитъ лишь слабое, отдаленное, болѣе или менѣе вѣрное, эхо своихъ же собственныхъ идей, стремленій и чувствъ. И это пониженное и скромное эхо, черпая свою силу въ политической вѣрѣ читающихъ „гражданъ", мало по малу вытѣсняетъ революціонныя стремленія и идеи, зародившіяся въ борьбѣ и реальностяхъ жизни рабочаго класса. Въ Швейцаріи существуетъ не только всеобщее избирательное право но еще и референдумъ т. е. народъ можетъ самъ предлагать законы. Несмотря на широкое самоуправленіе, рабочіе Швейцаріи эксплуатируются не менѣе, чѣмъ и въ прочихъ странахъ. Въ своемъ манифестѣ къ населенію Женевы булочники напр. описываютъ такъ свое положеніе: „Работая ночью, вопреки требованіямъ гигіены, въ булочныхъ, часто темныхъ, сырыхъ, нездоровыхъ; въ атмосферѣ, полной пыли, впродолженіе 12, 16 и иногда и 18 часовъ въ день, мы зарабатываемъ отъ 5 до 19 рублей въ мѣсяцъ со столомъ, часто недостаточнымъ и помѣщеніемъ, которое трудно себѣ вообразить: курятникъ, каморка, на печкѣ или въ погребахъ постель, въ складѣ муки, углѣ, мѣшковъ или дровъ. Въ качествѣ мебели ничего или старый комодъ и бѣдный стулъ. Тамъ мы проводимъ свободное время и отдыхаемъ отъ труда. И справедливо ли, что хозяинъ обязуетъ рабочаго столоваться и жить у него, держа насъ этимъ въ постоянномъ рабствѣ и отнимая у насъ всякую индивидуальную свободу." Положеніе этихъ рабовъ свободной Швейцаріи не составляетъ исключенія и всеобщая экономическая зависимость рабочихъ, уничтожая всевозможныя политическія свободы, заставляетъ рабочихъ принять синдикальный экономическій методъ, классовую борьбу. Рабочіе отклоняются отъ выборныхъ кампаній и хитраго миража пресловутой „диктатуры рабочаго класса". Они отклоняются, и умная буржуазія ищетъ уже средства чтобы заставить ихъ вновь принять политическую „борьбу". Ложь недостаточна — остается насиліе.

Избирательное право теряетъ свою силу; избирательная обязанность дастъ ее вновь. Число избирателей уменьшается, и одинъ франц. депутатъ предложилъ ужъ давно сдѣлать изб. право обязательнымъ для всѣхъ. Ту же идею предлагалъ соц.-дем. Фавонъ, и въ своей послѣдней рѣчи послѣ послѣднихъ швейцарскихъ выборовъ въ госуд. совѣтъ, президентъ главнаго женев. совѣта Ритчель заявилъ слѣдующее. „Тѣмъ не менѣе надо замѣтить что, несмотря на всѣ выгоды, данныя избирателямъ, число принимающихъ участіе въ выборахъ вмѣсто того, чтобы увеличиваться вмѣстѣ съ числомъ записанныхъ избирателей, прогрессивно уменьшается. Чѣмъ объяснить этотъ фактъ? Конечно усталостью отъ слишкомъ частыхъ собраній избирательнаго корпуса, но также постепенно растущимъ равнодушнымъ отношеніемъ къ общественнымъ дѣламъ и печальнымъ равнодушіемъ, охватывающимъ нашихъ молодыхъ избирателей и даже ихъ старшихъ товарищей. Гдѣ лекарство для такого положенія вещей?" И, совѣтуя разныя лѣкарства, могущія привить политическую болѣзнь, ораторъ продолжаетъ: „И если это лекарство не поможетъ, намъ нужно тогда искать другихъ въ числѣ коихъ обязательное вотированіе является самымъ лучшимъ, не говоря уже о томъ, что оно увеличитъ государственный доходъ" — (Reveille 12 янв.). Итакъ, обязательное всеоб. избир. право, обязательное избираніе депутатовъ, какихъ угодно, не важно; обязательное вотированіе подъ угрозой штрафа. Избиратель вмѣсто того, чтобы платить штрафъ, будетъ вотировать. Вотируя часто, онъ пріобрѣтаетъ привычку; привычка-вторая натура, привычка дѣлать что нибудь вырабатываетъ извѣстный складъ ума, даетъ извѣстныя идеи. Сначала сознательная, какъ и сама привычка, идея становится догмой, переходитъ въ вѣру, „здравый смыслъ" и всеоб. изб. право, котораго буржуазія не боится, становясь обязанностью позволитъ эксплоататорамъ привить вновь политическое суевѣріе и сдѣлать изъ рабочихъ стадо послушныхъ овецъ. Всеоб. изб. право неспособно уничтожить рабства рабочаго класса; оно полезно, необходимо для буржуазіи, и рабочіе латинскихъ странъ, понявъ это, развиваютъ все болѣе и болѣе классовую экономическую борьбу — способную ниспергнуть государство и собственность. Прямое непосредственное воздѣйствіе вотъ то оружіе, которое, вырабатывая въ рабочихъ мышленіе, энергію, самостоятельность и волю, позволитъ имъ наконецъ водворить свой рабочій идеалъ-Коммунизмъ и Анархію. Конечно, рабочіе еще не прибѣгаютъ къ революціонному дѣйствію, необходимость широкаго экономическаго террора для нихъ еще не проявилась, но самъ процессъ борьбы, дѣлая забастовки болѣе частыми, болѣе буйными, развивая солидарность и чуткость ко всякому насилію со стороны буржуазнаго класса, заставляя буржуазію сбросить маску добродушія, гуманности, соціализма, дѣлая классовую борьбу открытой и очевидной и явной, заставитъ рабочихъ рано или поздно отвѣчать на насиліе насиліемъ, на терроръ милиціи, хозяевъ, правителей, судей, солдатъ экономическимъ терроромъ рабочаго класса. Рано или поздно рабочіе поймутъ его необходимость, и синдикальное движеніе станетъ тѣмъ, чѣмъ оно должно быть въ силу своего же собственнаго развитія т. е. революціоннымъ авангарднымъ движеніемъ самыхъ смѣлыхъ, сознательныхъ, рѣшительныхъ элементовъ рабочаго класса.

Въ прошломъ декабрѣ Вильгельмъ, нѣмецкій императоръ, распустилъ свой парламентъ, такъ какъ консерваторы, католики и соц.-демократы вотировали противъ увеличенія расходовъ на колоніальныя приключенія; новые выборы, электоральная агитація, сдѣлки, союзы, блоки, программы, погоня за „голосами". Вечеромъ въ день роспуска, «Vorwärts» печатаетъ принципы электорал. и соц.-дем. программы. „Соц. демократія борется противъ личнаго правительства и защищаетъ находящіяся въ опасности народныя права; она борется противъ чрезмѣрнаго увеличенія флота; противъ колоніальной политики, разоряющей народъ и противъ колоніальныхъ преступленій, оскорбляющихъ національную честь. Она борется противъ эксплуатаціи народа посредствомъ высокихъ пошлинъ и закрытіемъ границъ; противъ чрезмѣрныхъ цѣнъ на мясо и хлѣбъ... Она борется противъ проэкта неправительныхъ налоговъ; противъ новаго закона о синдикатахъ, который свяжетъ ихъ по рукамъ и ногамъ и разоритъ рабочія организаціи. Она борется за освобожденіе рабочаго большинства отъ ига господствующаго класса, за политическую и соціальную свободу всѣхъ членовъ народа она борется за право и свободу." Несмотря на эту программу, разсчитанную на самые разнообразные вкусы, выборы дали печальные для соціалъ-демократовъ результаты. Новый парламентъ вмѣсто 81 соц. демократическаго депутата имѣетъ ихъ лишь 43 и, такъ какъ с. д. избирателей не уменьшилось, ясно что прежніе 81 были выбраны, благодаря равнодушному отношенію буржуазіи къ ярлыку засѣдающихъ въ парламентѣ господъ. Но это не важно. Электорал. платформа части нѣмецкой буржуазіи, именующей себя соц. демократіей привела въ умиленіе ихъ французскихъ собратій, и газета «Humanité» Жореса восклицаетъ: „Еще разъ повторяемъ, только одна соц.-демократія даетъ на всѣ вопросы точные и ясные отвѣты; только она одна способна бороться до конца. Немедленно же по распущеніи Рейхстага, вечеромъ же она смогла громко провозгласить свою программу, и эта программа составлена съ такою политическою отчетливостью, что соціалисты другихъ странъ могутъ только радоваться". Соціалисты?... едвали; соц.-демократы -да; но соц.-демократы всѣхъ странъ вообще, и Германіи въ особенности, уже давнымъ давно ничего общаго съ соціализмомъ не имѣютъ. Въ соц. демократіи демократія убила соціализмъ и электоральные интересы гг. депутатовъ отодвинули интересы рабочихъ массъ т.е. уничтоженіе собственности и экспропріацію буржуазіи въ пользу рабочихъ и крестьянъ. И это понятно. Соціализмъ, какъ отрицаніе основъ соврем. общества, какъ отрицаніе частнаго владѣнія на землю и всѣ орудія труда, какъ стремленіе къ экспропріаціи господствующаго класса, соціализмъ по своей сущности революціоненъ и не можетъ быть инымъ. Соціализмъ, какъ революціонная цѣль, не можетъ быть достигнутъ нереволюціонными средствами. „Наша цѣль революціонна, но не тактика" — есть лишь хитрая выдумка буржуазнаго ума или гнусная спекуляція, разсчитанная на невѣжество рабочаго люда. Тактика и цѣль находятся въ прямой, нераздѣльной и тѣсной связи. Тактика и цѣль взаимно опредѣляются, взаимно пополняются. Тактика одушевляетъ цѣль, это „жизнь" цѣли, это идея будущаго, стремящаяся принять конкретныя формы те-

теперь-же. Социализмъ покамѣсть не есть фактъ; онъ является стремленіемъ, идеей, идеаломъ, выросшимъ на почвѣ современныхъ соціальныхъ отношеній. Социализмъ, какъ цѣль, какъ идея, отрицаетъ эти отношенія, и социалистическая тактика не можетъ быть другой, какъ суммою средствъ, отрицающихъ эти-же самыя отношенія. Социализмъ, какъ цѣль, есть отрицаніе эксплуатаціи и рабства и социалист. тактика не можетъ быть иной, какъ проявленіемъ свободной энергіи, революціи, смѣлости, братской солидарности; теперь-же социализмъ, какъ идея экономическаго равенства на почвѣ общности владѣнія землей и всѣми орудіями труда, не можетъ имѣть другой тактики, какъ тактики, соотвѣтствующей непосредственно идеѣ и проникающей ее теперь-же. Социализмъ, какъ революціонная цѣль, не можетъ осуществиться безъ революціи и революція невозможна безъ революціонеровъ. Для революціоннаго дѣла нужны не адвокаты, не законодатели, не бюрократы, ни парламентскіе болтуны, не „представители", нужны революціонеры, нужны смѣлые, энергичные люди, способные дѣйствовать, жертвовать всѣмъ во имя ихъ цѣли, идеи. Нужны личности, черпающія мотивы своихъ дѣйствій въ энтузіазмѣ къ свободѣ, въ глубокой солидарности со всѣми и каждымъ, кто подавленъ, униженъ, порабощенъ теперь; нужны люди, чья жизнь есть лишь центръ, гдѣ отражается жизнь всѣхъ тѣхъ, кого мучитъ и давитъ всякая власть; чьи мысли и чувства есть лишь полный расцвѣтъ смутныхъ идей, подавленныхъ чувствъ всѣхъ рабовъ современнаго строя. Для революціоннаго дѣла-социализма нужно не дисциплинированное большинство, покорно идущее позади своихъ вожаковъ; не избиратели, „тайно" кладущіе свои клочки бумаги въ правительственныя коробки, нужно революціонное сознательное меньшинство, дѣйствующее смѣло, безжалостно, рѣшительно и безстрашно противъ всѣхъ препятствій, всѣхъ предразсудковъ; революціонное меньшинство, вызывающее своими дѣйствіями энтузіазмъ къ социализму и вѣру въ возможность его осуществленія. Социализмъ, какъ революціонная цѣль, невозможенъ безъ постояннаго и все болѣе и болѣе частаго фактическаго проявленія этихъ идей. Броженіе идей, революціонные факты массовые и личные, освѣжающіе, укореняющіе, реализирующіе эти идеи таковы социалист. тактика, соотвѣтствующая цѣли социализма; цѣль же эта уничтоженіе эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, экспропріація имущаго, господствующаго класса въ пользу и для общаго блага рабочихъ и крестьянъ. Ни, какъ немедленная цѣль, ни какъ тактика, социализмъ ничего общаго съ социалдемократіей не имѣетъ. Минимальная программа, легальность, парламентаризмъ, законы, „голоса", дисциплина, захватъ власти таковы тактика социаль-демократовъ всѣхъ странъ. Благодаря своей тактикѣ, общей всѣмъ фракціямъ буржуазнаго класса, все, что было социалистическаго въ соц. демократіи исчезло; тактика отодвинула въ отдаленіе, въ область туманнаго будущаго социалистическую цѣль; она убила энергію, энтузіазмъ, свободное мышленіе, революціонный духъ и, ставши политической партіей, социаль-демократія сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ являются всѣ прочія буржуазныя партіи т. е. чудовищной мистификаціей рабочаго класса.

А. Н.

ИЗЪ РОССІИ.

ПАМЯТИ ШЕСТНАДЦАТИ ТОВАРИЩЕЙ

(разстрѣлянныхъ въ Варшавѣ.)

Январь 1905 года! Ты внушилъ ужасъ тиранамъ и буржуазіи, съ тебя началась Великая Россійская Революція, заставляющая трепетать все капиталистическое общество.

Январь 1906 года! Ты-боевой девизъ революціоннаго анархизма. Съ восклицаніемъ „Январь!" мы вступаемъ въ грозную борьбу противъ буржуазіи и тирановъ.

Рабочіе! Въ январѣ 1905 года правительство вызвало васъ на борьбу на жизнь или на смерть. Въ январѣ 1906 года васъ вызвала буржуазія на открытый кровавый бой...

Въ воскресенье, 19-го декабря 1905 года, ночью были арестованы наши товарищи, и назавтра буржуазная печать радостно извѣщаетъ своихъ читателей, что ночью арестована „варшавская анархистическая группа" ихъ обвиняютъ „въ бросаніи бомбъ и въ анархистской пропагандѣ" она начинаетъ требовать казни всѣхъ нашихъ товарищей. Одна буржуазная газета взывала: „необходимо уничтожить анархизмъ"; „необходимо вырвать анархизмъ съ корнемъ," подхватывала другая; „организуемъ городскую милицію для борьбы съ анархистами" совѣтовала третья газета. Та же самая буржуазная пресса, протестовавшая противъ осужденія „лейтенанта Шмидта", тѣ же „гуманные" люди, которые бурно возмущались гнусными издѣвательствами надъ соц-рев. Спиридоновой, эти самые люди требовали смерти для нашихъ товарищей. Запомните это товарищи! Смерть рабочимъ, сопротивляющимся эксплуатаціи и законному грабежу", торжествующе восклицали они. Запомните это товарищи! 4 января утромъ на дворѣ варшавской цитадели было выстроено 5 эшафотовъ. Туда же скоро привели нашихъ пятерыхъ товарищей связанными.

Одинъ изъ товарищей, Яковъ Гольдштейнъ, рабочій 22 лѣтъ, обратился съ рѣчью къ солдатамъ: „Братья-солдаты, васъ вызвали сюда, чтобы убить враговъ отечества; вамъ сказали, что мы бунтовщики-анархисты. Братья! знаете-ли вы, кто мы, чего мы хотимъ, за что насъ убиваютъ? Мы дѣти многомилліонной массы пролетаріата, дѣти пролетаріата, страдающаго отъ нужды и голода; пролетаріата, котораго вѣками терзаютъ палачи и тираны. И вотъ мы не захотѣли дальше оставаться рабами; мы поняли, что для освобожденія отъ вѣчного рабства, мы должны съ оружіемъ въ рукахъ начать борьбу съ буржуазіей, объявить войну всѣмъ устоямъ буржуазнаго общества. Эти мысли мы сѣяли среди рабочихъ, звали, будили ихъ къ борьбѣ за новый свободный міръ. Солдаты! дѣти несчастнаго изстрадавшагося рабочаго народа, откажитесь отъ участія въ совершаемомъ надъ нами убійствѣ, вѣдь мы умираемъ за свободу и счастье рабочаго народа! Крикните вмѣстѣ съ нами: „Да здравствуетъ анархія!" И десять солдатъ опустили свои ружья. „Да здравствуютъ наши братья-солдаты!" крикнули товарищи и запѣли карманьолу. Рѣдкій, недружный залпъ прервалъ ихъ пѣсню, лебединую пѣсню. Всѣ пять пали замертво. На другое утро, 5 января, палачи опять заработали. На этотъ разъ на дворъ цитадели привели 6 товарищей. Между ними былъ нашъ товарищъ Хаимъ Ривкиндъ (Викторъ). Онъ былъ взятъ черезъ два дня послѣ октябрьскаго манифеста за распространеніе революціонныхъ солдатскихъ пѣсенъ и за агитацію среди солдатъ. Онъ не называлъ своего имени, говорилъ только, что онъ анархистъ-коммунистъ. онъ уже разъ былъ приговоренъ къ 4 годамъ каторги. Теперь его присоединили къ процессу 16, чтобы добиться и для него смертнаго приговора. И противъ остальныхъ товарищей не было уликъ, что они бросили бомбы, Викторъ-же былъ арестованъ за 2 дня до взрыва въ гостинницѣ „Бристоль"
Когда спросили Виктора чѣмъ, онъ занимается, онъ отвѣтилъ: приготовленіемъ бомбъ противъ буржуазіи и тирановъ. И послѣдними его словами было. „Смерть тиранамъ, да здраствуетъ анархія!"

28 января кончалась эта драма смерти: были разстрѣлены послѣдніе 5 товарищей. Среди нихъ былъ нашъ любимый товарищъ Куба Игольсонъ, гимназистъ 7 класса! Намъ трудно подыскать слова, чтобы изобразить благородную личность нашего брата по идеѣ Кубу. Блѣдное, худощавое лицо, острый взглядъ, черные, густые, непокорные гребешку волосы, вотъ портретъ Кубы. Два мѣсяца онъ работалъ въ федераціи „Интернаціоналъ", но онъ былъ прекраснымъ работникомъ. Когда онъ бывало говорить къ рабочимъ объ ихъ страданіяхъ и нуждѣ, о необходимости сбросить иго рабства, онъ вызывалъ энтузіазмъ у своихъ слушателей. И не вѣрилось, что такъ можетъ говорить о страданіяхъ рабочихъ, человѣкъ, не вышедшій изъ рабочей семьи. Его арестовали при групповой экспропріаціи въ одной конторѣ. Вошедшій въ контору шпіонъ убилъ товарища Игнаца и ранилъ Кубу.

Съ пулей въ груди онъ былъ арестованъ. Адвокаты его три раза просили, чтобъ онъ сказалъ, что бралъ деньги для себя, что онъ воръ. Но онъ гордо имъ отвѣчалъ: „Я анархистъ,

У самаго эшафота онъ сказалъ присутствовавшимъ врачамъ: „Господа врачи! Вы, сдѣлавшіе свои карьеры на деньги рабочихъ, вы представители науки, если у васъ сохранилась хоть искра человѣчности откажитесь быть свидѣтелями возмутительнаго убійства. Три врача сейчасъ ушли. А нашъ товарищъ со словами: „вы можете убить наши тѣла, но не святой нашъ духъ" упалъ замертво.

Братья рабочіе!

Если вы хотите показать, что вамъ дорога память вашихъ мучениковъ, то продолжайте свою непримиримую борьбу противъ буржуазіи и тирановъ. Соберитесь подъ нашимъ знаменемъ, на которомъ красуется девизъ: „непримиримая борьба, борьба на жизнь и на смерть съ насиліемъ и эксплуатаціей, во всѣхъ ихъ видахъ и формахъ.

Почитайте память нашихъ павшихъ товарищей, первыхъ жертвъ социальной революціи!

ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ АНАРХІЯ!

Къ процессу пяти товарищей въ Одессѣ.

17-го декабря 1905 года въ кафе Либмана въ Одессѣ были брошены бомбы. По этому дѣлу было арестовано пять анархистовъ-коммунистовъ. 1-го ноября 1906 года одесскій военно-окружной судъ вынесъ имъ слѣдующій приговоръ:

Моисей Мецъ („Борисъ", 21 г.) Б. Шерешевская („Шерка", 22 г.) и Іосифъ Бруништейнъ („Бѣленькій", 18 л.) приговорены къ смертной казни черезъ повѣшеніе, Станиславъ Шашекъ (21 г.) и Ольга Таратута (30 л.) приговорены къ 17 годамъ каторги. 15 ноября

смертный приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе. Всѣ осужденные принадлежали къ „черно-знаменской" фракціи русскаго анархизма, считающей „безмотивный" терроръ однимъ изъ важныхъ элементовъ анархистской тактики. Въ приведенной ниже рѣчи Моисея Меца мы находимъ яркую апологію этого метода борьбы.

Ред.

РѢЧЬ МОИСЕЯ МЕЦА

(„Бориса")

перед одесскимъ военно-окружнымъ судомъ.

Итакъ, десять мѣсяцевъ спустя, послѣ совершеннаго мною акта въ кафе Либмана, я стою лицомъ къ лицу съ своими карателями. Мнѣ задано было нѣсколько вопросовъ: считаю ли я себя виновнымъ въ принадлежности къ одесской группѣ анархистовъ-коммунистовъ, поставившей себѣ цѣлью ниспроверженіе существующаго государственнаго и общественнаго строя, имѣлъ ли я для этой цѣли взрывчатыя вещества, и принималъ ли я участіе въ метаніи бомбъ въ кафе Либмана.

Считаю ли я себя во всѣхъ этихъ выше названныхъ дѣяніяхъ виновнымъ?.... какъ смѣшенъ этотъ вопросъ и какъ смѣшны, задающіе его!

Полтора года тому назадъ я былъ арестованъ за то, что охранное отдѣленіе нашло во мнѣ одного изъ членовъ группы анархистовъ-коммунистовъ, имѣющей своей цѣлью низверженіе существующаго строя путемъ насильственныхъ мѣръ. Тогда же у меня нашли всѣ доказательства, свидѣтельствовавшія о томъ, что я дѣйствительно къ таковой принадлежу. На этомъ основаніи меня продержали десять мѣсяцевъ подъ слѣдствіемъ. „Карать" меня все же не успѣли. т. к. 23 октября 1905 года я былъ амнистированъ. 22 декабря того же года я уже снова сидѣлъ въ тюрьмѣ. Два мѣсяца всего, слѣдовательно, я былъ на свободѣ. За эти два мѣсяца я, какъ и раньше до своего перваго ареста, распространялъ свое анархистическое міровоззрѣніе путемъ агитаціи въ широкихъ слояхъ угнетеннаго класса и пропагандой среди единичныхъ личностей.

Я рѣзко передъ ними критиковалъ весь существующій государственный и общественный строй со всѣми въ немъ уродствами; я критиковалъ буржуазію съ ея гнилой моралью о неприкосновенности частной собственности, дающей возможность ей — кучкѣ буржуазіи держать весь угнетенный классъ въ рабствѣ и покорности; я критиковалъ власть государства и его представителей и созданные ими институты — учрежденія, гдѣ они вырабатываютъ законы для охраненія и закрѣпленія этой святыни — частной собственности. Я критиковалъ власть, функція которой — защищать ихъ положеніе властителей и частныхъ собственниковъ, ибо властьимущіе являются одновременно и обладателями частной собственности. Я критиковалъ, наконецъ, власть, какъ таковую, по ея существу, ибо я, какъ анархистъ, отрицаю всякую власть, вплоть до народной. Я возбуждалъ въ массѣ ненависть къ эксплуатаціи и гнету — фундаменту современнаго строя — холоди и слезъ, и звалъ ихъ на смѣлую и рѣшительную борьбу противъ этого строя и представителей его, буржуазіи и правительства..

Я говорилъ угнетеннымъ и обездоленнымъ: „Ты пасынокъ современнаго общества, всю свою жизнь обреченный на голодъ, холодъ и гоненія; съ ранняго дѣтства тебя впрягаютъ въ ярмо тяжкаго рабскаго труда, дающаго тебѣ возможность влачить жалкое полуголодное существованіе въ мрачныхъ, тѣсныхъ и зловонныхъ конурахъ, и ты покорно несешь это иго до полнаго физическаго истощенія и потери нравственнаго облика." Рисуя угнетенному классу эту жалкую позорную роль его въ современномъ обществѣ, я указывалъ ему самые разрушительные методы борьбы противъ него вплоть до полнаго уничтоженія его такъ, чтобъ камня на камнѣ не осталось!

Бомба, брошенная мною 17 декабря 1905 года въ кафе Либмана, съ цѣлью убить тамъ эксплуататоровъ — богачей, есть лишь частичное проявленіе того разрушенія, на которое я всегда звалъ порабощенную массу. Послѣ этого меня спрашиваютъ, считаю ли я себя виновнымъ! меня, чье сердце полно ненависти къ эксплуататорамъ и всегдашнему ихъ сообщнику — правительству! меня, который такъ глубоко презираетъ весь современный строй за то, что онъ даетъ возможность жить въ роскоши и сытости лишь одной кучкѣ избранниковъ, въ то время, когда милліоны людей умираютъ съ голоду, извиваются въ предсмертныхъ судорогахъ, съ трудомъ поддерживая свое жалкое существованіе. Меня, который всегда готовъ былъ съ радостью отдать свою жизнь, въ надеждѣ бросить хоть одну искорку разрушенія въ современный строй!

Меня спрашиваютъ, считаю ли себя виновнымъ. Нѣтъ, отвѣчаю я, безусловно нѣтъ!

Я уже сказалъ вамъ, что я анархистъ — коммунистъ, одинъ изъ тѣхъ, которые 17 декабря бросили бомбы въ кафе Либмана.

У меня, собственно говоря, говорить съ вами больше нѣтъ желанія, но я вынужденъ сказать еще нѣсколько словъ объ анархизмѣ, потому что въ послѣднее время во многихъ городахъ, а въ Одессѣ въ особенности, понятіе „анархизмъ" толкуется вкривь и вкось, какъ кому это выгодно. Вы, напримѣръ, господа судьи, осудивъ различныхъ темныхъ личностей и сомнительныхъ экспропріаторовъ, въ отчетѣ о своей дѣятельности пишете: такіе-то, и такіе-то, предаются суду по дѣлу группы анархистовъ — коммунистовъ; за вами слѣдуетъ буржуазная печать, а также различныя соціалистическія партіи, непрерывно старающіяся дискредитировать анархическое ученіе и дѣянія истинныхъ анархистовъ въ глазахъ угнетеннаго класса. Въ виду всего этого я долженъ говорить здѣсь объ анархизмѣ въ надеждѣ, что мой голосъ дойдетъ до тѣхъ, кого я раньше посвящалъ въ наше міровоззрѣніе, и кому съ радостью посвящаю свое послѣднее слово — классу обездоленныхъ!

Въ послѣднее время народились группы подъ различными названіями: „черные вороны" „свободные соколы" и. т. д. — цѣли которыхъ, подъ угрозой смерти вымогать деньги и устраивать на нихъ всякія оргіи разврата и обжорства. Для большей увѣренности въ удачѣ своихъ налетовъ они ложно пользуются именемъ анархистовъ — коммунистовъ. Но что общаго между вышеназванными вымогателями и анархистами, единая цѣль которыхъ — разрушеніе современнаго строя и созиданіе на обломкахъ его новой свободной жизни на анархическихъ и коммунальныхъ началахъ! Они, эти экспропріаторы — гнилой продуктъ гнилого строя — ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, къ кому они являются за вымогательствомъ. Буржуазія, эксплуатируя рабочихъ, высасываетъ изъ нихъ послѣдніе соки, превращая ихъ въ деньги; они же „вороны" и „соколы", экспропріируя эти же деньги, устраиваютъ на нихъ наравнѣ съ буржуазіей свои оргіи разврата и пьянства. Появленіе этихъ послѣднихъ хищниковъ насъ не удивило, ибо мы знаемъ, что современный строй можетъ родить только всякаго рода калѣкъ и нравственныхъ уродовъ и мы анархисты — коммунисты, убѣжденные въ томъ, что все уродливое исчезнетъ только съ однимъ разрушеніемъ всего современнаго строя, мы не стали бы говорить о нихъ еслибъ они, совершая свои гнусныя дѣлишки, не прикрывались бы нашимъ именемъ, давая этимъ козырь въ руки тѣмъ, которые всякими нечистыми средствами стараются извратить истинное значеніе анархизма, проповѣдуемаго нами. Мы, анархисты — коммунисты, признаемъ устную и печатную агитацію и пропаганду нашего міровоззрѣнія среди угнетенной массы, и систематическій, неустанный, единичный и массовый терроръ противъ частной собственности, частныхъ собственниковъ, власти и представителей власти

Каждый эксплуататоръ достоинъ смерти: каждая капля его крови, вся его жизнь, богатство сотканы изъ силы, пота и крови тысячъ порабощенныхъ, насильно обираемыхъ.

Каждый представитель власти достоинъ смерти! Каждый изъ нихъ въ отдѣльности является винтомъ той огромной машины государства, которая испоконъ вѣковъ поддерживаетъ и узаконяетъ эксплуатацію... Да и само государство, по существу, со всѣми его институтами и учрежденіями является язвой, ибо цѣль его грабить и властвовать. Частная собственность и власть есть фундаментъ современнаго строя, и мы признаемъ терроръ противъ нихъ, терроръ единичный, групповой, который долженъ и непремѣнно выльется въ терроръ массовый, терроръ всего угнетеннаго класса противъ всей банды угнетателей и приведетъ къ всеобщей экспропріаціи всѣхъ богатствъ всего міра. Единичные и групповые акты противъ частной собственности и власти, устное и печатно освѣщеніе этихъ актовъ разбудитъ наконецъ отъ летаргическаго сна весь міръ обездоленныхъ; систематическія повторенія подобныхъ актовъ вызовутъ революціонныя возстанія и бунты среди отдѣльныхъ частей угнетеннаго класса, пока наконецъ пламя возстанія не охватитъ весь міръ обездоленныхъ и, слившись въ одинъ бурный, мощный потокъ, унесетъ въ своемъ теченіи всѣ плотины и основы современнаго строя.

Во всякій конфликтъ между рабочимъ и господиномъ, хотя бы за минимальныя требованія, касающіяся временнаго улучшенія его положенія (какъ напримѣръ стачки за уменьшеніе рабочаго дня, за увеличеніе заработной платы и т. д.), мы, анархисты-коммунисты, стараемся внести этотъ духъ разрушенія и стремленіе къ окончательному уничтоженію вѣковаго рабства и эксплуатаціи. Всегда, при всякой такой стачкѣ, мы призываемъ бастующихъ экспропріировать предметы первой необходимости для поддержанія жизни, но, какъ только эти стачки становятся массовыми, они возставшіе, не должны, да и не могутъ уже довольствоваться захватомъ лишь предметовъ потребленія, и мы зовемъ ихъ къ захвату орудій и средствъ производства: фабрикъ и заводовъ и всѣхъ богатствъ, такъ нагло награбленныхъ у нихъ же! Все живущее имѣетъ право жить! Всякій обдѣленный имѣетъ право взять себѣ то, что въ изобиліи находится у другого!

Всякій голодный имѣетъ право брать у обжирающихся всѣ средства къ жизни! Но такого рода захваты не могутъ отнюдь еще считаться анархическими актомъ, покуда они будутъ совершаться отдѣльными личностями, ибо они не вносятъ разрушенія въ существующій строй!

Анархическимъ актомъ экспропріація будетъ лишь тогда, когда она совершается массами: массовая экспропріація, разореніе имущихъ въ данный моментъ является одновременно и началомъ уничтоженія отжившей морали,—гласящей о святости и неприкосновенности частной собственности.

Единичныя экспропріаціи мы признаемъ лишь для добыванія средствъ на революціонныя нужды. Если, получивъ деньги, мы не убиваемъ экспропріируемаго, то это еще не значитъ, что онъ, собственникъ, откупился отъ насъ. Нѣтъ! Его мы найдемъ въ числѣ многихъ въ различныхъ кафе, ресторанахъ, театрахъ, балахъ, концертахъ и т. д. Смерть буржуа! Всегда, гдѣ бы онъ ни былъ, его настигнетъ бомба или пуля анархистовъ.

Вы, господа судьи, ставите мнѣ въ вину то, что я, стремясь ниспровергнуть существующій строй, 17 декабря бросилъ бомбу въ кафе Либмана съ цѣлью убить тамъ собравшихся собственниковъ. Да, господа судьи! такъ оно и есть!

Съ первыхъ дней моей сознательной жизни съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ анархистомъ, я стремился къ низверженію того общественнаго строя, въ которомъ возможно такое вопіющее несправедливое неравенство, того строя, въ которомъ милліоны людей насыщаютъ воздухъ стонами своихъ мукъ, вѣчно голодные, вѣчно приниженные, медленно умирающіе, находящіеся вѣчно подъ дамокловымъ мечемъ страха за завтрашній день, и рядомъ съ этимъ вѣчный праздникъ разгула и разврата въ средѣ незначительнаго меньшинства хищниковъ, никогда не знающихъ труда и пользующихся всѣми благами міра сего. Имъ — этой кучкѣ избранниковъ — доступны всякія удовольствія, и они живутъ, прожигая жизнь. Въ одинъ часъ своего пиршества они спускаютъ цѣлые годы труда тысячъ рабочихъ! Да, у меня всегда было и существовало бы и дальше стремленіе къ принятію самаго активнаго участія въ ниспроверженіи вотъ этого „общественнаго строя“, стремленіе уничтожить частную собственность и всѣ послѣдствія экономическаго неравенства! уничтожить въ корнѣ всякую власть и господство надъ человѣкомъ; ни работника ни хозяина! Ни раба ни господина! Свободные люди путемъ свободнаго договора будутъ работать и жить въ свободныхъ коммунахъ, главнымъ принципомъ которыхъ будетъ — полная свобода для каждаго. Всѣ богатства, какъ средства производства, такъ и предметы потребленія, принадлежатъ всѣмъ; отъ каждаго по его способностямъ, каждому по его потребностямъ!

Вотъ эти мои воззрѣнія я старался привить угнетенному классу.

17-го декабря мнѣ удалось подкрѣпить свои слова дѣйствіемъ: моя рука, вооруженная бомбой, послала смерть кучкѣ имущихъ паразитовъ и наглядно указала массѣ истинный путь, единственный который дастъ ей полное экономическое и политическое освобожденіе *).

Въ этотъ вечеръ я вмѣстѣ со своими товарищами, отомстилъ этимъ избранникамъ міра сего за высасываемую кровь рабочихъ, которая превращается у нихъ въ дорогія вина и въ блюда сладкія! Этотъ вечеръ оповѣстилъ ликующихъ, что не вѣченъ ихъ праздникъ! Что настаетъ новая сила, цѣль которой смести съ лица земли ихъ съ ихъ идоломъ частной собственности и власти. О! какъ жалки и беспомощны были они эти, обыкновенно столь наглые, вершители судебъ! Съ какой паникой они смотрѣли на меня и на мою поднятую руку, въ которой чуяли свою смерть! Они, привыкшіе безпрестанно всю свою жизнь безнаказанно совершать свои вопіющія преступленія надъ рабочими! Они сами, наконецъ, увидѣли передъ собой карающую руку рабочаго и дрогнули въ ужасѣ и страхѣ... О, какъ отрадно умереть, увидѣвъ ихъ — проводящихъ всю жизнь въ безмятежномъ довольствѣ, — трепещущими въ страхѣ и сознавать, — что ты, одинъ изъ тѣхъ, надъ которыми они привыкли совершать гнусныя насилія, — ввергъ ихъ въ это положеніе!

Я знаю, что этотъ актъ не подорветъ еще господствующаго порядка, насилія будутъ продолжаться по режиму. Болѣе того, я знаю, что на моей могилѣ и на могилахъ моихъ преемниковъ (а они безусловно будутъ) буржуазія отпразднуетъ нашу смерть.

Она будетъ ликовать, видя какъ ея вѣрный союзникъ и защитникъ — правительство вѣшаетъ и разстрѣливаетъ насъ. Но это лишь до поры до времени! Мы, — только первыя ласточки грядущей весны! Мы бросили первое зернышко на вѣками поросшую дикимъ дерномъ и полынью ниву. Оно не взошло еще, но и не заглохло! трудно бываетъ росткамъ пробраться сквозь эти дикія травы, но они пробираются и приносятъ плоды. Итакъ постепенно они вытѣсняютъ сорныя травы и вся нива покрывается здоровыми сочными плодами. Не пройдетъ безслѣдно нашъ актъ! Вызовъ, брошенный нами эксплуататорамъ и насильникамъ, будетъ подхваченъ и другими рабочими, и они обрушатся на враговъ своихъ всей силой своего справедливаго гнѣва и возмущенія. Эти отдѣльныя вспышки людей, переставшихъ быть рабами, разсѣютъ наконецъ вѣковыя традиціи рабства и лжеученія о безсиліи человѣка, леденящія умъ, мозгъ и душу угнетеннаго класса и держащія его въ вѣчномъ подчиненіи и смиренной покорности своей участи. Они пробьютъ этотъ толстый слой рутины и ударятъ по лучшимъ струнамъ сердца народнаго стремленія къ жизни, и свободѣ, присущими каждому человѣку! Примѣромъ своимъ они подѣйствуютъ на ихъ разумъ и докажутъ имъ, что сковывающія ихъ тяжкія цѣпи напоромъ силы и воли свободнаго человѣка превратится въ тонкую паутину! И возстанетъ тогда весь угнетенный классъ! Горе тѣмъ, на кого обрушится эта страшная сила. Горе вамъ, сытые и власть имущіе: на васъ они обрушатъ свой гнѣвъ! Васъ сбросятъ они съ вашихъ пьедесталовъ! Васъ лишатъ они привилегіи бездѣльничанья, роскоши и власти! Смерть носителямъ современнаго строя! Смерть охранителямъ ихъ!

Смерть и разрушеніе всему буржуазному строю! Свое послѣднее проклятіе шлю я сытой привиллегированной части человѣчества, свои лучшія пожеланія и чувства голоднымъ и порабощеннымъ!

Да здравствуетъ революціонная классовая борьба угнетенныхъ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ АНАРХИЧЕСКІЙ КОММУНИЗМЪ!

*) Въ этотъ вечеръ мы открыли рабочему классу дверь въ лагерь его противниковъ, сказавъ ему вотъ твои враги! Вотъ главные виновники всѣхъ твоихъ бѣдствій: мсти имъ сейчасъ-же за всѣ перенесенныя тобой несчастья и униженія! Рабочіе, повторяйте такіе акты! Возставайте всѣ! Нападайте не только на ихъ жизнь, но и на ихъ имущество! Разрушайте его, если вы не сможете взять его себѣ!

Памяти Василія Доценки (Николая)

Около года тому назадъ въ началѣ февраля 1906 года — анархисты молодой группы села Каменского (близъ Екатеринослава) бросили ночью двѣ пробныхъ бомбы — македонки въ помѣщеніе пристава, повредившихъ зданіе — и благополучно скрылись. По несчастью, въ тотъ вечеръ ѣхалъ изъ Екатеринослава въ Каменское ничего не подозрѣвавшій екатеринославскій товарищъ Николай (Василій Доценко); въ моментъ взрыва, онъ подходилъ къ Каменскому со станціи Запорожье и былъ задержанъ по подозрѣнію. Внезапно схваченный въ темнотѣ, онъ не успѣлъ даже выстрѣлить изъ бывшаго при немъ браунинга; тѣмъ не менѣе на него взвели два обвиненія — 1) бросаніе бомбъ въ полицейскій участокъ и 2) вооруженное сопротивленіе при арестѣ. Екатеринославъ съ уѣздомъ были уже на военномъ положеніи. Спустя нѣсколько дней, подъ сильнымъ конвоемъ, избитый, онъ былъ препровожденъ въ Екатеринославъ и посаженъ въ одиночку-клѣтку, подъ самую строгую стражу. Молодой, горячій, общительный онъ не могъ выдержать этого режима и требовалъ смягченія его.

И неоднократно, во время его заключенія, на этой почвѣ возникали у него „недоразумѣнія“ съ администраціей — онъ начиналъ „буйствовать“ — биться въ своей клѣткѣ — а его „усмиряли“, избивая до потери сознанія и сажая на хлѣбъ и воду. Благодаря такому режиму, Николай — прежде здоровый и крѣпкій — вскорѣ началъ харкать кровью. Не смотря на строгость режима, ему удается вскорѣ отправить нелегально письмо роднымъ. Копія этого письма — къ сожалѣнію, теперь утраченная — была доставлена и намъ, товарищамъ. Въ письмѣ этомъ онъ извѣщалъ о своемъ арестѣ и о тяжкомъ обвиненіи, взведенномъ на него; подробно описывалъ обстоятельства случайнаго ареста, и прибавлялъ, что не успѣлъ отстрѣливаться; описывалъ условія заключенія и свое настроеніе.

„Быть можетъ, я пишу вамъ въ послѣдній разъ—быть можетъ, я буду приговоренъ къ смертной казни... Сижу одинъ, и вспоминается мнѣ вся моя жизнь. Сначала съ родными; потомъ, какъ я поступилъ рабочимъ, и моя жизнь съ ними; затѣмъ, какъ я ушелъ бродяжить, и моя жизнь среди портовыхъ рабочихъ, босяковъ и воровъ... Какъ я сидѣлъ семь мѣсяцевъ въ кіевской тюрьмѣ; какъ сдѣлался сознательнымъ, сдѣлался анархистомъ и моя жизнь среди рабочихъ анархистовъ, въ кіевской и екатеринославской группахъ...

„Но не думайте, дорогіе родные, что я раскаиваюсь въ своей жизни, что я раскаиваюсь въ своихъ идеяхъ. Я былъ и буду анархистомъ-коммунистомъ. Если я остаюсь живъ, то теперь, какъ и прежде, я буду бороться за мой идеалъ анархическаго коммунизма, всю свою жизнь буду мстить буржуазіи и государству. Только бомбами и пироксилиномъ можно разрушить капиталистическій строй, чтобы на его мѣстѣ воздвигнуть равенство и братство — анархическій коммунизмъ“.

Письмо это было найдено полиціей на обыскѣ у его родныхъ и присоединено къ дѣлу. Если, съ одной стороны, онъ разсказывалъ въ немъ о томъ, что былъ схваченъ по ошибкѣ, невинно—то съ другой стороны онъ удостовѣрялъ, что онъ анархистъ-коммунистъ, членъ екатеринославской группы; что не отстрѣливался при арестѣ только потому, что не успѣлъ и готовъ, если окажется на волѣ, къ террористической дѣятельности. Таково въ общихъ чертахъ дѣло его. Пишущему эти строки, біографія его мало извѣстна. Казацкій сынъ, семнадцатилѣтній рабочій изъ Кременчуга, лѣтомъ 1905 года Василій Доценко примыкаетъ къ Кіевской группѣ анархистовъ-коммунистовъ. Въ ноябрѣ того же года по конспиративнымъ условіямъ онъ уѣзжаетъ въ Екатеринославъ, гдѣ работаетъ подъ именемъ „Николая". Безконечно отзывчивый и добрый, необузданно-революціонный, одаренный недюжинными способностями, Николай принадлежитъ къ числу безпокойно дѣятельныхъ. Онъ проводитъ кружки на Амурѣ (предмѣстье Екатеринослава) и въ Каменскомъ, гдѣ выступаетъ также на митингахъ. Онъ участвуетъ также въ первыхъ Екатеринославско-Каменскихъ экспропріаціяхъ и въ печатаніи листковъ захватнымъ образомъ. Въ январѣ онъ ѣдетъ на съѣздъ а-к., организованный по инициативѣ покойнаго товарища Стриги въ одномъ изъ южныхъ городовъ и выбираетъ для себя актъ безмотивнаго террора. И вскорѣ по возвращеніи оттуда, по просьбѣ рабочихъ ѣдетъ въ Каменское, гдѣ его арестовываютъ по ошибкѣ.

Девять мѣсяцевъ проводитъ онъ въ предварительномъ заключеніи, сначала въ описанныхъ выше условіяхъ, позже въ нѣсколько лучшихъ, выноситъ шестидневную голодовку — товарищи вспоминали позже, какъ бодръ онъ былъ во время голодовки и какъ ободрялъ другихъ. 30 октября его судили военно-окружнымъ судомъ и приговорили къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Цѣлый мѣсяцъ сидитъ онъ въ ожиданіи казни, не подавая кассаціи. Наконецъ въ ночь съ 30 ноября на 1 декабря 1906 года его казнятъ вмѣстѣ съ тремя неизвѣстными намъ лицами. До насъ дошли нѣкоторыя подробности его казни. До 1 декабря, въ Екатеринославѣ, за неимѣніемъ палача, разстрѣливали. Но вотъ нашелся уголовный Погорѣловъ, воръ-рецедивистъ; поставили висѣлицу въ 4 участкѣ (рядомъ съ тюрьмой) и ночью отвели туда Николая. Онъ былъ бодръ, до конца и уже съ петлей на шеѣ, крикнулъ: „Да здравствуетъ Анархія". Такимъ образомъ онъ былъ первымъ повѣшеннымъ въ Екатеринославѣ. Послѣ суда, ему удалось переправить намъ, товарищамъ, письмо, которое мы и приводимъ почти цѣликомъ.

Предсмертное письмо Николая (Василія Доценки) къ товарищамъ. 31 октября 1906 года.

Дорогіе мои товарищи, анархисты-коммунисты! У меня былъ судъ 30 октября, и я приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Я сейчасъ постараюсь описать вамъ, какъ я держалъ себя на судѣ, хотя я думаю, что вы узнаете изъ газетъ. Дѣло было такъ: сперва разбирали дѣло 3-хъ человѣкъ о грабежѣ и присудили ихъ къ смертной казни. Потомъ начали мое дѣло при слѣдующей обстановкѣ: я вошелъ въ залъ суда въ шапкѣ и сѣлъ; меня просили встать и снять шапку; я не исполнилъ ихъ просьбы, и тогда конвойный снялъ шапку, но встать я не всталъ. Председатель сказалъ мнѣ, чтобы я велъ себя корректно, потому что я еще не знаю о своей участи. Я ему ничего не отвѣтилъ и не всталъ. Онъ началъ читать дѣло, сперва спросилъ у меня имя и т. д.; я ему отвѣтилъ, что объ этомъ давно извѣстно въ протоколѣ. Тогда онъ сказалъ, что будетъ разбирать дѣло, началъ читать обвиненіе по 126-й статьѣ уг. ул. о тайномъ сообществѣ анархистовъ коммунистовъ. Онъ спрашиваетъ, признаю ли я себя виновнымъ; я ему сказалъ что я пришелъ не признавать свою виновность, а пришелъ услышать приговоръ отъ нихъ и для нихъ же.

Председатель: прошу Васъ молчать, или Васъ выведутъ.

Я: будьте увѣрены въ томъ, что идя сюда, я зналъ, что Вы можете меня вывести изъ залы суда, потому что физически я безсиленъ.

Председатель: Прошу молчать! Признаете себя виновнымъ?

Я: Такъ какъ по своимъ убѣжденіямъ не признаю кукольныхъ комедій, то я не желаю быть соучастникомъ этого кукольнаго балагана, который хочетъ меня судить.

Председатель: (прерывая) Прошу молчать! (Вызываетъ свидѣтелей, 3-хъ городовыхъ и пристава села Каменскаго и, обращаясь къ нимъ, говоритъ: Свидѣтели, вы не имѣете вражды или родственной связи съ подсудимымъ?

Отвѣтъ: Нѣтъ.

Я: О, да! Если бы я не питалъ къ нимъ вражды, я не былъ бы на скамьѣ подсудимыхъ. Вражда къ нимъ у меня развита, какъ у всякаго революціонера; я не могу смотрѣть на каждаго изъ васъ, и здѣсь, какъ и на волѣ, безъ отвращенія; мнѣ глубоко ненавистна вся эта свора капиталистовъ и вся государственная банда, защищающая интересы капиталистовъ. О горе вамъ, власть и капиталъ имущіе!...

Председатель: (прерывая) Вывести его.

Меня вывели на гауптвахту, и тамъ я сидѣлъ два часа; холодно было, да ничего. Затѣмъ позвали обратно.

Председатель: По Высочайшему... и т. д.—съ лишеніемъ всѣхъ правъ, взыскать судебныя издержки и подвергнуть смертной казни черезъ повѣшеніе.

Я: Смерть тиранамъ! Да здравствуетъ Анархическій Коммунизмъ!

И теперь 1-го ноября я пойду выслушать чтеніе приговора въ окончательной формѣ; не знаю, вернусь ли я обратно сюда, или меня оставятъ до казни на гауптвахтѣ. Кассаціи я не подавалъ, да и не думаю подавать. Чувствую себя нравственно очень хорошо, а физически — вотъ ужъ скоро полгода, какъ я сильно боленъ, но теперь все таки мнѣ ничего. Дорогіе мои товарищи, я не знаю, буду ли я живъ, или меня на дняхъ повѣсятъ, но все-таки я Вамъ оставляю завѣщаніе — я оставляю вамъ свой идеалъ, боритесь за него, мстите всѣмъ нашимъ врагамъ. Прощайте дорогіе товарищи, прощайте на вѣки!—Будьте увѣрены, что я буду достоинъ имени анархиста-коммуниста во время казни.

Затѣмъ идутъ его личныя дѣла.

Передайте привѣтъ всѣмъ товарищамъ, пожелайте имъ всего хорошаго. Прощайте!

Корреспонденціи.

Письмо изъ Сѣверной Россіи. Въ прошлый разъ мы сообщали вамъ объ анархической пропагандѣ въ Сѣверномъ районѣ. Изъ нашего письма вы знаете, что анархическое движеніе въ Москвѣ, Н. Новгородѣ (Сормово), Пензѣ, Казани и др. городахъ центральныхъ губерній находится еще только въ зачаточномъ состояніи. То тамъ, то здѣсь, возникаютъ кружки и группы „рабочихъ коммунистовъ-анархистовъ". У массы пробуждается замѣтный интересъ къ новой идеѣ. Растетъ спросъ на ея литературу, листки; слушаютъ съ интересомъ ораторовъ. Въ настоящее время намъ удалось получить слѣдующія сообщенія о дѣятельности а.-к. въ Сѣверномъ районѣ.

Въ ТУЛѢ на патронномъ заводѣ и другихъ образовались группы анархистовъ-коммунистовъ. Къ нимъ примкнуло много рабочихъ, бывшихъ с.-р. „Группы" получали нѣсколько разъ литературу изъ Москвы, и въ короткое время среди рабочихъ были распространены сочиненія Бакунина, Ж. Грава, Кропоткина, Э. Реклю, Малатеста и другихъ.

Анархистами-коммунистами совершено было въ городѣ нѣсколько нападеній на буржуа и конфискацій ихъ имуществъ.

Въ СОРМОВѢ (Ниж. губ.), мы уже говорили о кризисѣ переживаемомъ этимъ громаднымъ заводомъ; вмѣсто 10,000 рабочихъ, теперь занятыхъ въ производствѣ всего 4,000. Масса безработныхъ. Застой въ промышленности угнетающимъ образомъ дѣйствуетъ на настроеніе массъ. Систематической пропаганды а.-к. здѣсь никогда не вели, были лишь періодически устраиваемыя собранія лѣтомъ и попытки весной.

Распространена литература: Ж. Этьеванъ, Новомірскій, Ж. Гравъ; въ большомъ количествѣ также другія книги. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Нижегородской судебной палатѣ слушается первое дѣло объ „анархистахъ-коммунистахъ" (О. Малицкой и И. Музель), которые передъ этимъ просидѣли около 1 2 года въ арестантскихъ ротахъ (2-мъ корпусѣ). При арестѣ у нихъ обнаружена литература женевскаго изданія, прокламаціи и мимеографъ.

Недавно произведены аресты среди рабочихъ, взяты два анар.-ком., у которыхъ нашли оружіе и снаряженныя бомбы. Кромѣ того, еще были аресты анархистовъ въ Ниж. губ., которые содержатся въ тюрьмѣ въ ожиданіи суда.

РЯЗАНЬ. Среди крестьянства работаютъ у насъ соц.-рев., но за послѣднее время стали доходить слухи объ анархической пропагандѣ. Такъ среди крестьянъ скоп. уѣзда распространялась прокламація анарх. ком. „Вынимайте соху изъ бороздъ", также недавно была пущена книжка а.-к. „Какъ мужики очутились безъ начальства" Зайца.

При революціонности нашихъ крестьянъ, при живущемъ въ нихъ общинномъ духѣ — можно надѣяться, что анархизмъ встрѣтитъ у нихъ живую симпатію. Въ послѣднее время и въ Рязани среди городскихъ рабочихъ ж. д. депо, заводовъ Ажина и Полякова и К°, а также мѣстной интеллигенціи проявляется анархическая пропаганда.

Циркулировали №№ „Безначалія" „Хлѣба и Воли", женевскія брошюры, наконецъ, распространены были въ большомъ количествѣ русскія изданія: „Свободы" „Чернаго знамени" „Свободной Коммуны" и „Равенства".

Въ Рязани же были изданы прокламаціи:

„И опять палача“ (перепечатка съ изд. Кіев. Ан. Ком.) 70 экз. на гектографѣ и бѣлостокская (на мимеогр. 300 эк.) „Къ рабочимъ“, начинающаяся словами: „Крики злобы и отчаянія носятся въ воздухѣ“. Кромѣ того въ г. Сѣдлецѣ были изданы и распространены брошюры: „Рѣчь Э. Анри“, и С. Бардиной, „Религіозная чума“ I. Моста. Литературу разбирали нарасхвать. Недавно распространенъ № 1 „Буревѣстника“. Интересъ къ анархизму растетъ. С.-р. не замедлили выступить съ рефератомъ. Референтъ самъ сознался, что знакомъ съ анархизмомъ лишь по №1 „Безначалія“.

Онъ совѣтовалъ бойкотировать „столь зловредную литературу“. Дальше пріѣхавшій анархистъ-коммунистъ прочелъ рефератъ, вызвавшій интересъ и оживленное обсужденіе. Къ анар. ком. присоединилась с.-р., а вскорѣ и весь „комитетъ“ распался, благодаря оппозиціи мѣстныхъ „максималистовъ“. Послѣдніе признаютъ всю тактику анархистовъ и не согласны лишь по вопросу о роли „революціоннаго правительства“.

Въ настоящее время въ рязанской тюрьмѣ содержатся нѣсколько рабочихъ а.-к., которымъ грозитъ военный судъ за вооруженное сопротивленіе.

„Сѣдлецкій“.

Бѣлостокъ. Наша группа понесла на дняхъ тяжелую потерю въ лицѣ двухъ лучшихъ товарищей; не желая отдать себя живымъ въ руки полиціи, послѣ отчаяннаго вооруженнаго отпора одинъ покончилъ съ собой; другой себя опасно ранилъ. Въ другой разъ мы дадимъ болѣе подробную характеристику убитаго товарища, перечислимъ цѣлый рядъ его актовъ, въ которыхъ онъ проявлялъ рѣдкое мужество, беззавѣтную храбрость. Пока дадимъ сухой пересказъ совершившагося событія.

Упомянутые товарищи вмѣстѣ съ двумя другими товарищами сидѣли на конспиративной квартирѣ. Кой какія наблюденія заставили ихъ подозрѣвать, что за квартирой слѣдятъ, и что можетъ явиться полиція. Хотя при нихъ были бомбы и оружіе, но они нашли запасъ не достаточнымъ, и одинъ изъ нихъ отправился за оружіемъ. Черезъ нѣкоторое время одинъ изъ трехъ оставшихся спустился внизъ, чтобъ удостовѣриться, „чисто ли“ вокругъ дома. Внизу его встрѣтила полиція и остановила. На вопросъ, куда онъ идетъ, товарищъ отвѣтилъ: „по своимъ дѣламъ“. Его пустили, но стали поджидать у двери „уборной“. Не дождавшись его выхода, полиція взломала двери, но подлинно товарищъ успѣлъ бѣжать черезъ окно. Всѣ поиски остались напрасными. Тогда полиція стала подниматься на верхній этажъ, гдѣ остались товарищи, но была встрѣчена бомбой и выстрѣлами.

Началась суматоха. Явились казаки, много полиціи... завязалась отчаянная перестрѣлка, которая продолжалась очень долго. Запасъ пуль истощался... Осталось по одной пулѣ... Эти послѣднія пули товарищи сберегли для себя. Они безстрашно заглянули въ лицо смерти. Они до послѣдней минуты остались героями.

Нашими товарищами было совершено покушеніе на генерала Богаевскаго. Этотъ генералъ прославился еще во время 30 іюля въ Бѣлостокѣ и во время Бѣлост. погрома. Потомъ онъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ репрессіяхъ противъ анархистовъ. Бомба, брошенная въ него товарищемъ, должна была убрать „вѣрнаго“ слугу царя и буржуазіи. Бомба на этотъ разъ не повредила Богаевскому. Но ему не уйти отъ рукъ нашихъ товарищей.

Членъ бѣл.-гр.

Екатеринославъ. Убійство начальника мастерскихъ. 7-го марта въ 8 часовъ утра два товарища, пріѣхавшихъ изъ Екатеринослава въ Александровскъ, убили начальника Екатеринославскихъ мастерскихъ Василенко. Василенко, давно извѣстный отъявленный подлецъ, прославившійся своей ненавистью къ сознательнымъ рабочимъ. Еще молоденькимъ студентомъ-мастеромъ, онъ подавалъ большія надежды сдѣлать хорошую карьеру, стараясь, какъ можно больше, издѣваться надъ рабочими, понижать расцѣнки. Года 4—5 тому назадъ рабочіе Екатеринославскихъ мастерскихъ, гдѣ онъ былъ мастеромъ, побили его, а еще раньше, когда онъ служилъ на Александровскомъ заводѣ въ Петербургѣ, вывезли на тачкѣ. Кулакъ, мѣшокъ и тачка лучшій способъ выдвинуться, стоитъ ихъ заслужить,—и карьера готова. Василенка сразу сдѣлали начальникомъ ж. д. участка, а черезъ нѣсколько времени и начальникомъ Александровскихъ мастерскихъ, откуда его выгнали рабочіе въ іюнѣ 1905 года. Послѣ подавленія вооруженнаго возстанія въ декабрѣ того-же года, ареста передовыхъ рабочихъ, его снова назначили начальникомъ. Ненависть къ сознательнымъ получила полную возможность удовлетворенія: разсчитаны были всѣ болѣе или менѣе передовые, въ томъ числѣ и Василій Бабенко, который и отомстилъ ему за угнетеніе рабочихъ. Актъ былъ встрѣченъ рабочими съ большимъ сочувствіемъ, хотя имъ и пришлось давать деньги на вѣнокъ подъ давленіемъ мастеровъ и хулигановъ; но не нужно забывать той забитости, въ какой находятся александровцы. Товарищей судили воен.-полев. судомъ и приговорили къ смертной казни черезъ повѣшеніе, но приговоръ былъ пріостановленъ свыше, такъ какъ въ Александровскѣ военное положеніе снято.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Заграницей 1 декабря 1906 года вышелъ №1 „Бунтаря“, органа Русскихъ Анархистовъ-Коммунистовъ. Затронутые въ немъ теоретическіе и практическіе вопросы нашего движенія весьма интересны. „Бунтарь“,—литературный выразитель того теченія въ средѣ русскаго анархизма, которое въ группахъ извѣстно подъ названіемъ „черно-знаменскаго“. №1, содержащій въ себѣ 36 стр., кромѣ теоретическихъ статей даетъ много интересныхъ свѣдѣній изъ исторіи нашего молодого движенія. Статьи свидѣтельствуютъ о стройной продуманной соціальной теоріи и отличаются талантливымъ изложеніемъ. Въ ближайшихъ №№ „Буревѣстника“ мы подробно поговоримъ о „нашихъ разногласіяхъ“; пока отмѣтимъ только, что главными пунктами нашего расхожденія, являются вопросы о революціонномъ синдикализмѣ и „безмотивномъ“ террорѣ.

Вышли №№ 11 и 12 „Листковъ Хлѣба и Воли“; отмѣчаемъ интересную статью тов. Оргеіани „Рабочіе союзы“, посвященную вопросу о революціонномъ синдикализмѣ.

1-го мая выйдетъ въ Цюрихѣ №1 возобновляющагося „Weckruf“. Привѣтствуемъ возрожденіе собрата.

Р—нъ.

Къ товарищамъ.

Нѣкоторое время тому назадъ въ редакцію „Буревѣстника“ поступило заявленіе отъ Екатеринославской группы, въ которомъ товарищи, сообщая о дошедшемъ до нихъ слухѣ о пріостановкѣ органа, рѣшительно протестуютъ противъ этой пріостановки. Свой протестъ они мотивируютъ, во 1-хъ, тѣмъ, что „органъ уже пріобрѣлъ популярность“ и во 2-хъ, что „существованіе систематически выходящаго органа необходимо“. Мы считаемъ нужнымъ отвѣтить на это заявленіе товарищей и дѣлаемъ это на столбцахъ самого „Буревѣстника“ для того, чтобы отвѣтъ нашъ прочли не только въ Екатеринославѣ, но и во всѣ другія группы.

Намъ нечего говорить о томъ, что слухи, вызвавшіе вышеприведенное заявленіе не вѣрны; объ этомъ свидѣтельствуетъ появленіе, хотя и съ большимъ опозданіемъ, не по нашей винѣ, 5-го номера. Ни одной минуты мы не думали прекратить изданіе журнала и менѣе, чѣмъ когда либо, мы думаемъ объ этомъ теперь. Но все таки, выпуская наконецъ 5-й номеръ, мы съ нѣкоторой тревогой, болѣе того, съ нѣкоторымъ отчаяніемъ спрашиваемъ себя: не послѣдній ли это? Дѣло въ томъ, что матеріальное положеніе „Буревѣстника“ крайне тяжелое. Мы приступили къ изданію его, не имѣя буквально ни копѣйки. Мы чувствовали, что органъ необходимъ; революція выдвигала ежедневно, ежечасно огромное количество вопросовъ, нуждавшихся въ освѣщеніи, а у насъ не было ни одного періодическаго изданія. Мы разсчитывали, что товарищи въ Россіи раздѣлятъ наше мнѣніе и, что, лишь бы только мы начали, они придутъ намъ на помощь. И дѣйствительно, что касается своевременности и необходимости органа, мы не ошиблись; товарищи съ радостью привѣтствовали „Буревѣстникъ“, о чемъ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя, поступившія къ намъ заявленія. Эти заявленія, конечно, ободряли насъ, доказывая полезность нашей работы, придавали намъ силы и энергію. Но этого было мало: нужны были средства, деньги — а ихъ намъ почти никто не присылалъ. Расходы же были крупные: за неимѣніемъ собственной типографіи, каждый номеръ „Буревѣстника“ обходился, съ транспортомъ, въ 200—250 рублей; кромѣ того приходилось поддерживать товарищей эмигрантовъ, переправлять людей въ Россію и т. д. Благодаря этому у насъ образовался довольно серьезный пассивъ, который долженъ быть покрытъ для того, чтобы „Буревѣстникъ“ могъ продолжать свое существованіе.

Таково, въ нѣсколькихъ словахъ, теперешнее положеніе „Буревѣстника“. Если товарищи въ Россіи считаютъ его дальнѣйшее появленіе полезнымъ и желательнымъ, если они сочувствуютъ его направленію, то пусть они откликнутся на этотъ зовъ, пусть придутъ ему на помощь.

Пусть группы, желающія поддержать его не ждутъ момента, когда онѣ будутъ располагать большими деньгами. Въ крайнемъ случаѣ достаточно было бы, если бы нѣкоторыя изъ нихъ періодически и исправно присылали небольшіе взносы: существованіе органа было бы такимъ образомъ обезпечено.

Редакція „Буревѣстника“.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

—Нанси: Черезъ тов. А—а получено 100 fr. (Расходъ билетъ и телеграмма 15 fr.) Т-щу Х. Черезъ тов. А—а — 10 fr. Т-щу И. А. Кр—ну. На отъѣздъ товарища получено 125 fr.

Письма и деньги просятъ направлять въ:
Paris. Rédaction du «Libertaire» rue d'Orsel 15.
Lausanne. J. Wintsch. Route d'Ouchy. Montriond.
На внутреннихъ конвертахъ необходимо дѣлать надпись для „Буревѣстника“.

Типографія „Буревѣстника“.